

СТИХОТВОРЕНІЯ

БАРАТЫНСКАГО.

СТИХОТВОРЕНІЯ

Евгенія Баратынскаго.

ЧАСТЬ II.



МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при Императорской Медико-Хирургичес. Академіи.

—•—
1835.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО

съ пѣмъ , чинобы по напечатаніи представлены были
въ Ценсурный Комитетъ *три* экземпляра.

С. Петербургъ, 7 Марта, 1833 года.

Ценсоръ Никита Бутырскій.

Э Д А.

Чего робѣешь ты при мнѣ ,
Другъ милый мой, малюшка Эда ?
За что , за что наединѣ
Тебѣ страшна моя бесѣда ?
Вѣрь , не коварень я душой ;
Тамъ , далеко, въ странѣ родной ,
Сесстру я добрую имѣю ,
Сестру чудесной красоты :
Я нѣжно, нѣжно дружимъ съ нею
И на нее похожа ты.
Давно что дѣлалъ ? . . . но такая
Ужъ наша доля полковая !
Давно я , Эда , не видалъ
Роднаго счастливаго края ,
Сестры моей не цѣловалъ !

Лицемъ она, будь сердцемъ ею ;
 Мечтѣ моеи не измѣни
 И мнѣ любовію своею
 Ея любовь напомни !
 Мила ты мнѣ. Веселье , муку,
 Все жажду я дѣлишь съ тобой :
 Не уходи, оставь мнѣ руку !
 Довѣрься мнѣ , другъ милый мой !

Съ улыбкой вкрадчивой и льстивой,
 Такъ говорилъ гусаръ красивой
 Финляндкѣ Эдѣ. Русь была
 Ему отчизной. Въ горы Фина
 Его недавно завела
 Полковъ бродячая судьбина.
 Суровый край : его красамъ ,
 Пугаяся , дивятся взоры ;
 На горы каменные тамъ
 Поверглись каменные горы ;
 Синѣя , всходящъ до небесъ
 Ихъ своеобразныя громады ;
 На нихъ шумитъ сосновый лѣсъ ;
 Съ нихъ бурно льющся водопады ;

Тамъ доль очей не веселишь ;
 Гранишной лавой онъ облишь ;
 Главу одѣвши въ мохъ печальный ,
 Огромнымъ спорожемъ споншь
 На немъ гранишь пирамидальный ;
 По дряхлымъ скаламъ бродить взгавдъ ;
 Пришлецъ исполненъ смутной думы :
 Не міра-ль давняго лежашъ
 Предъ нимъ развалины угрюмы ?
 Въ доселъ счастливой глуши,
 Отца простаго дочь простая ,
 Красой лица, красой души
 Блиспала Эда молодая.
 Прекраснѣй не было въ горахъ :
 Румянецъ нѣжный на щекахъ ,
 Лешучій спанъ, власы златые
 Въ небрежныхъ кольцахъ по плечамъ ,
 И очи баѣдно-голубые
 Подобно Финскимъ небесамъ.

День гаснудъ, скалы позлащая.
 Предъ хижиной своей одна
 Сидѣла дѣва молодая ,
 Лицемъ спокойна и ясна.

Подсѣлъ онъ скромно къ дѣвѣ скромной ,
 Завелъ онъ крошко съ нею рѣчь ;
 Ея не мыслила пресѣчь
 Она въ задумчивости томной ,
 Внимала слабымъ сердцемъ ей :
 Такъ роза первыхъ вешнихъ дней
 Лучамъ невѣрнымъ довѣряешь :
 Почуя теплый вѣтерокъ ,
 Его лобзаньямъ открываешь
 Благоуханный свой шипокъ ,
 И не предвидишь хладъ суровый ,
 Мерзвѣщій хладъ дохнушь готовый .
 Въ рукѣ гусара моего
 Давно рука ея лежала :
 Въ забвеньи сладкомъ у него
 Она ее не опинивала .
 Онъ къ сердцу бѣдную прижалъ :
 Взоръ укоризны , даже гнѣва
 Тогда поднять хотѣла дѣва ,
 Но гнѣва взоръ не выражалъ .
 Веселость ясная сіяла
 Въ ея младенческихъ очахъ ,
 И наконецъ въ такихъ словахъ
 Ему Финляндка ошвѣчала :

« Ты мной давно уже любимъ :
 За чѣмъ же нѣшь ? Ты добродушенъ ,
 Всегда заботливо послушенъ
 Малѣйшимъ прихотямъ моимъ .
 Онѣ докучливы бывали ;
 Меня ты любишь , вижу я :
 Душа признательна мол .
 Ты мнѣ любезенъ : не всегда ли
 Я угождашь тебѣ спѣшу ?
 Я съ каждымъ упромъ приношу
 Тебѣ цвѣты ; я подарила
 Тебѣ кольцо ; всегда была
 Твоимъ весельемъ весела ;
 Съ тобою грустнымъ я грустила .
 Что-жь ? Я и въ этомъ погрѣшила :
 Намъ строго , строго не велятъ
 Дружиться съ вами . Говорятъ ,
 Что вѣроломны , злобны всѣ вы ;
 Что васъ бѣжать должны бы дѣвы ,
 Что какъ-то губите вы насъ ,
 Что пропадетъ , когда полюбишь :
 И ты , я думала не разъ ,
 Ты , можешь быть , меня погубишь . »

« Я швой губишель, Эда ? я ?
 Тогда пускай мнѣ казнь любую
 Пошлетъ Небесный Судія !
 Нѣтъ, нѣтъ ! я съ шѣмъ тебя цѣлую ! »
 « На что ? за чѣмъ ? какой мнѣ сшудъ ! »
 Младая дѣва говоришь.
 Ужь поздно. Вспашь, бѣжашь готова
 Съ негодованіемъ она.
 Но держишь онъ. « Постой ! два слова !
 Постой ! ты взорами сурова :
 Уже-ль шы мной оскорблена ?
 О, нѣтъ, останься : мигъ забвенья ,
 Минушу шалости прости ! »

« Я не сержуся ; но пусти ! »

« Твой взоръ исполненъ оскорбленья
 И шы лицомъ не можешь лгать :
 Позволь, позволь для примиренья
 Тебя еще поцѣловать. »

« Оставь мсія ! »

« Мой другъ прекрасной !

И за ребяческую блажь
 Ты неизвѣстности ужасной
 Меня безжалостно предашь !
 И не поймешь мое страданье !
 И такова любовь твоя !
 Другъ милый мой, одно лобзанье,
 Одно, нль ей не вѣрю я ! »

И дѣва бѣдная вздохнула,
 И милый ликъ свой, до того
 Отвороченный отъ него,
 Къ нему тихонько обернула.

Какъ онъ самимъ собой владѣлъ !
 Съ какою медленностью томной,
 И между тѣмъ какъ будто скромной,
 Напечатавъ онъ ей умѣлъ
 Свой поцѣлуй ! Какое чувство
 Ей въ грудь младую влилъ онъ имъ !
 И лобызаніемъ такимъ
 Владѣешь хладное искусство !

Ахъ , Эда , Эда ! Для чего
Такое долгое мгновенье
Во влажномъ пламени его
Пила ты страстное забвенье ?
Теперь полна въ душѣ своей
Желанья смутнаго заботой ,
Ты освѣжительной дремошой
Ужь не сомкнешь своихъ очей ;
Слепяшь на ложе сновидѣнья ,
Тебѣ безвѣстныя досель ,
Иль долго жаркая постель
Тебѣ не дастъ успокоенья.
На камняхъ розовыхъ твоихъ
Весна игриво засвѣтлѣла,
И ярко зелень мохъ на нихъ ,
И птичка весело запѣла,
И по гравитному одру
Свѣтло бѣжитъ ручей серебристой ,
И лѣсъ прохладою душистой
Съ востока вѣетъ поутру ;
Тамъ за горою доль шайтся ,
Уже цвѣты неспрѣюшь тамъ ;
Уже черемухъ еникіамъ
Тамъ въ чистомъ воздухѣ струится :

Своею нѣгою страшна
 Тебѣ волшебная весна.
 Не слушай пшички сладкогласной !
 Отъ сна возставшая , съ крыльца
 Къ прохладѣ утренней лица
 Не обращай, и въ доль прекрасной
 Не приходи, а сверхъ всего,
 Бѣги гусара твоего !

Уже пустыня сномъ обьята ;
 Всталъ ясный мѣсяцъ надъ горой ,
 Сливая свѣшъ багряный свой
 Съ послѣднимъ пурпуромъ заката ;
 Двойная, шрепетная стѣна
 Отъ черныхъ сосенъ возлегаетъ,
 И ночь прозрачная смѣняетъ
 Погасшій непримѣтно день.
 Ужь поздно. Дѣва молодая
 Жарка ланитами, встаетъ
 И молча, глазъ не подымая ,
 Въ свой уголь медленно идетъ.

Была безпечна , весела
Когда-то добренькая Эда ;
Одною Эдой и жила
Когда-то дѣвичья бесѣда ;
Она привѣтно и свѣтло
Когда-то всѣмъ глядѣла въ очи :
Что-жь измѣнить ее могло ?
Что-жь это утро облекло
И шакъ внезапно въ сумракъ ночи ?
Она разсѣянна , грустна ;
Въ бесѣдахъ вовсе не слышна ;
Какъ прежде , яснаго привѣта
Ни для кого во взорахъ нѣтъ ;
Вопросы долго ждуть отвѣта
И часто страшенъ сей отвѣтъ ,

То жарки щеки , шо безцвѣтны ,
 И, тайной горести плоды,
 Нерѣдко свѣжіе слѣды
 Горючихъ слезъ на нихъ замѣсны.

Бывало, слишкомъ зашалишь
 Неосторожный постоялецъ :
 Она къ уснамъ приставишь палець ,
 Ему съ улыбкой имъ грозить.
 Когда же ей онъ подарить
 Какой нибудь нарядъ дешевой ,
 Финляндка дивной ей обновой
 Похвастать къ матери бѣжишь ,
 Межь шѣмъ его благодарить
 Веселымъ кинкомъ. Шаловливо
 На друга соннаго порой
 Плеснетъ холодною водою
 И убѣгаетъ шоропливо ,
 И долго слышенъ громкій смѣхъ.
 Ея трудовъ , ея ушѣхъ
 Всегда въ шоварищи малюшкой
 Бываетъ онъ призванъ съ милой шуткой.
 Взойдешь ли утро, ночи-ль шѣнь
 На усыпленны холмы ляжетъ :

Ему красотка добрый день
И добру ночь привѣтно скажешь.

Гдѣ время то ? При немъ она
Какой-то робостію нынѣ
Въ своихъ движеніяхъ смущена ;
Веселыхъ шутокъ и впоминѣ
Ужъ нѣтъ ; незначущихъ рѣчей
Съ нимъ даже дѣва не заводитъ ,
Какъ будто спалъ онъ недругъ ей ;
Зашо порой съ его очей
Очей задумчивыхъ не сводитъ,
Зашо порой наединѣ
Къ груди гусара вся въ о
Бѣдняжка грудью припада
И, страсши гибельной по.
Сама успа свои она
Къ его лобзаньямъ обращ
А въ ночь безсонную одн
Одна съ раскаяніемъ напѣ
Сама волненіемъ ужаснымъ
Души своей ушрашена ,
Уныло шепчетъ : что со
Мнѣ съ каждымъ днемъ гр

Ахъ, гдѣ ты, миръ души моей !
 Куда пойду я за тобою !
 И слезы дѣтскія у ней
 Невольно льются изъ очей.

Она была не безъ надзора.
 Отецъ ея, крушый старикъ,
 Отчасти въ сердце къ ней проникъ.
 Онъ подо́зрительнаго взора
 Съ несчастной дѣвы не сводилъ ;
 За нею слѣдомъ онъ бродилъ :
 И подсмотрѣлъ ли что шакое ,
 Но только молодой шалунъ
 Разъ видѣлъ, слышалъ, какъ ворчунъ
 Взадъ и впередъ въ своемъ покоѣ
 Ходилъ сердито, какъ пошомъ
 Ударилъ сильно кулакомъ
 Онъ по столу, и Эдъ бѣдной,
 Предъ нимъ шрепещущей и блѣдной ,
 Сказалъ рѣшительно : повѣрь ,
 Не одобровать тебѣ съ гусаромъ !
 Вы за углами съ нимъ недаромъ
 Всегда встрѣчаешься. Теперь
 Ты рада слушать негодяя.

Худому выучить. Бѣда
 Падешь на дуру. Мнѣ тогда
 Забота будетъ. небольшая :
 Кто мой обычай ни порочь,
 А потаскушка мнѣ не дочь.
 Тихонько слезы опирая
 У грустной Эды « что ворчать ? »
 Сказала съ крошостою мать ;
 « У насъ смиренная такая
 До сей поры была она.
 И въ чемъ шеперь ея вина ?
 Грѣшишь , бѣдняжку обижаа . »
 Да , молвилъ онъ , ласкай ее ,
 А я сказалъ уже свое .

День послѣ , въ комнаткѣ своей
 Уже вечернею порою
 Одна съ привычною шоскою
 Сидѣла Эда . Передъ ней
 Свяшая Библия лежала .
 На длань склоненная челомъ ,
 Она разсѣяннымъ персипомъ
 Разсѣянно перебирала
 Ея измятые листы

И въ дни сердечной чистоты
 Невольной думой улетала.
 Взошелъ онъ съ пасмурнымъ лицомъ,
 Въ молчаньи сѣлъ, въ молчаньи руки
 Сжалъ на груди своей крестомъ;
 Примѣши скрытой, тяжкой муки
 Въ немъ все являло. Наконецъ :
 Долгъ отъ меня, сказала хитрецъ,
 Съ побою пребудешь разлуки.
 Теперь услышашъ милый гласъ ,
 Увидѣшь милыя мнѣ очи
 Я прихожу въ послѣдній разъ:
 Покроешь землю сумракъ ночи
 И навсегда разлучишь насъ.
 Виною швой ошець суровой:
 Его укоры слышала я ;
 Нѣшь , нѣшь , тебѣ любовь моя
 Не навесеть печали новой!
 Прости ! Чуть дышуща , блѣдна ,
 Гусара слушала она.
 « Что говоришь ? Возможно-ль ? Нынѣ ?
 И навсегда, любезный мой ! . . . »
 Бѣгу отселя ; но душой
 Останусь въ милой мнѣ пустынь.

Съ тобою видѣшь я любилъ
 Потoki шѣ же , шѣ же горы ;
 Къ тому же небу возводилъ
 Съ небесной радостию взоры :
 Съ тобой въ разлукѣ свѣту дня
 Уже не радовашь меня!
 Я волю далъ любви несчастной
 И погубилъ , довѣрясь ей ,
 За мигъ лешащій, мигъ прекрасной
 Всю красоту грядущихъ дней.
 Но слушай ! Срокъ остался крашкой :
 Пугая ревнивыхъ глазъ ,
 Вездѣ преслѣдующихъ насъ ,
 Доселѣ мелькомъ и украдкой
 Видались мы ; моею мольбой
 Не оскорбись. На разставанье
 Позволь, позволь имѣшь съ тобой
 Мнѣ безмвшежное свиданье !
 Лишь краки ночи низойдутъ ,
 И сномъ глубокамъ до денницы
 Отяжелѣла зеницы
 Твои домашніе сомкнушь ,
 Приду я къ тихому приюсту
 Моей любезной : о , покинь

Дѣвичій страхъ и на минушу
 Затвори досадный отодвинь!
 Прильну въ безмолвіи печальномъ
 Къ швоимъ устамъ, о жизнь моя,
 И въ лобызаніи прощальномъ
 Тебѣ оставлю душу я.

Прискорбно дѣва поглядѣла
 На обольстишеля; не смѣла
 Сама не знала почему.
 Она доврѣться ему:
 Бѣдою что-то ей грозило;
 Какой-то страхъ въ нее проникъ;
 Ей смушно сердце говорило,
 Что не былъ простъ его языкъ.
 Свяшая книга, какъ сначала,
 Еще лежавшая предъ ней,
 Ей долгъ ея напоминала.
 Ко груди шрепетной своей
 Прижавъ ее, «нѣтъ, нѣтъ», сказала,
 Зачѣмъ со злобою шакой
 Играешь моею простотою?
 Иль мало было прегрѣшеній?

Еще-ль, еще-ль охотный слухъ
 Склоню на голосъ искушеній ?
 Оставь меня, лукавый духъ!
 Оставь , безъ новыхъ угрызений. »

Но вправду врагъ ему едва-ль
 Не помогаль : съ такою силой
 Излиль онъ ропоть свой , печаль
 Сшоль горько выразилъ , что жаль
 Гусара спало дѣвѣ милой :
 И слезы падали у ней
 Въ тяжелыхъ капляхъ изъ очей.
 И въ то же время то моленья ,
 То пѣни расточаль хитрець.
 Что медлишь ? Дороги мгновенья !
 Къ ней приступилъ онъ наконецъ :
 Дай слово ! Всею душой шоскуя ,
 « Какое слово дать могу я ,
 Сказала, сжался надо мной !
 Владѣю-ль я сама собой !
 И что я знаю ! » Пылко, живо
 Тутъ къ сердцу онъ ее прижалъ.
 Я буду , жди меня , сказалъ ,
 Сказалъ и скрылся шоропливо.

Уже и холмы и поля
 Покрышы мраками густыми.
 Смиранный ужинъ раздѣля
 Съ неприхотливыми родными ,
 Вошла дѣвица въ уголь свой ;
 На дверь задумчиво взглянула :
 Повѣрь , опасенъ гость ночной ,
 Ей совѣсть робкая шепнула ,
 И дверь ея заложена.
 Въ бумажки мягкія она
 Златые кудри завернула ,
 Снявъ поспѣшила какъ нибудь
 Дня одѣянiя неловки ,
 Тяжелодышущую грудь
 Освободила отъ шнуровки ,
 Легла и думала заснуть.
 Ужь поздно, полночь, но рѣсницы
 Сонъ не смыкаешь у дѣвицы :
 « Стучаться будетъ онъ шеперь.
 Зачѣмъ задвинула я дверь ?
 Я своенравна въ самомъ дѣлѣ.
 Пущу его : вѣдь мигъ со мной
 Пробудешь здѣсь любезный мой ,
 Потомъ навѣкъ уйдешь отселѣ. »

Такъ мнишь ужь дѣвица и вошь
 Съ одра пихохонько встаётъ ,
 Ко двери съ шрепетомъ подходитъ ,
 И вошь задвижки роковой
 Уже касается рукой ;
 Вошь руку медленно опводишь ,
 Вошь приближаетъ руку вновь ;
 Жельзо двинулось : вся кровь
 Засныла въ дѣвущкѣ несчастной ,
 И сердце сжала ей шоска.
 Тогда же чуждая рука
 Дверь пошашнула : другъ прекрасной ,
 Не бойся , Эда , это я !
 И отъ смяшенья духъ тая ,
 Полна невѣдомаго жара ,
 Дѣвица бѣдная моя
 Уже въ объятіяхъ гусара.

Увы ! досталась въ эту ночь
 Ему желанная побѣда :
 Чувствъ упоенныхъ превозмочь
 Ты не могла , бѣдняжка Эда !
 Заря багрянитъ сводъ небесь.
 Восторгъ обманчивый исчезъ ;

Съ нимъ улетѣлъ и призракъ счастья ;
Открылась бездна нищеты :
Слезами скорби платишь ты
Уже за слезы сладоспирасья !
Сшывая пылающаго дня ,
На краѣ ложа роковаго
Сидишь ты, голову склоня.
Взляни на друга молодаго !
Внимай ему : нѣтъ , нѣтъ , съ шобой
Онъ не снесетъ разлуки злой ;
Тебѣ всѣ дни его и ночи ;
Ощецъ его не устрашишь :
Онъ подозрѣвая усыпится ,
Обманетъ бдишельныя очи ; .
Твой будешь онъ , покуда живъ
Напрасно все ; она не внемлетъ ,
Очей на друга не подъемлетъ ,
Уста безмолвныя раскрывъ ,
Потупя въ землю взоръ незряцій ;
Ей шо же друга разговоръ ,
Что въпръь безсмысленно свистяцій
Среди ущелии Финскихъ горъ.

Не долго , дѣва красоты ,
Предашеля чуждалась ты ,
Томяся грустью безотрадной !
Ты уступила сердцу вновь :
Просшила вѣжная любовь
Любви коварной и нещадной .

Идешь поспѣшно день за днемъ .
Гусару дѣва молодая
Уже покорствуешь во всемъ .
За вишь она , какъ лань ручная ,
Повсюду ходишь . То чешой
Пріемлешь ихъ въ полдневный зной
Густая сѣнь дубровы сонной ,
То зазовешь дремучій боръ ,

То приглашаютъ грозы горь
 Въ свой сумракъ нѣги благосклонной ;
 Но чаще сходятся они
 Въ долу сосѣдственномъ, глубокомъ.
 Въ густой рябиновой сѣни
 Надъ быстро льющима попокомъ
 Они садятся на шраву.
 Порой любовникъ въ шумной лѣни
 Послушной дѣвѣ на колѣни
 Кладетъ безпечную главу
 И легкимъ сномъ глаза смыкаетъ.
 Духъ прижавъ , она внимаетъ
 Дыханью друга своего ;
 Древесной вѣткой ошвѣваетъ
 Докучныхъ мошекъ ошъ него ;
 Его волнистыми власами
 Играетъ дѣтскими перстами.
 Когда-жь подыметъ луна
 И дикій край подъ ней задремлетъ ,
 Въ пріютъ укромный свой она
 Къ себѣ на одръ его приѣмлетъ.

Но дѣва нѣжная моя
 Тоится шайною шоскою.

Разъ обыкновенною порою
 У водъ любимаго ручья
 Они сидѣли молчаливо.
 Любовникъ въ шихомъ забыши
 Глядѣль на свѣшлыя струи ,
 Предъ нимъ бѣгущія игриво.
 Дорогой сорванный цвѣшокъ
 Онъ какъ-то бросилъ въ бысшрый шокъ.
 Вздохнула дѣва молодая ;
 На друга голову склоня,
 « Такъ, прошептала, и меня
 Мигъ полелѣя , полаская ,
 Такъ на погибель бросишь ты ! »
 Уша незлобной красоты
 Улыбкой милой улыбнулись ,
 Но скорбь взяла-таки свое :
 И на рѣсницахъ у нее
 Невольно слезы навернулись.
 Она косынкою своей
 Ихъ отерла, и веселѣй
 Глядѣшь ошараяся на друга :
 « Прости ! Безумная шоска !
 Сегодня жизнь моя сладка ,
 Сегодня я швоя подруга ,

И завтра будешь ты со мной ,
 И день еще , и , спасться можешь ,
 Я до разлуки роковой
 Не доживу , Господь поможешь ! »

Невинной нѣжностью не разъ
 Она любовника смущала ,
 И сожалѣнье въ немъ подь часъ
 И угрызенье пробуждала ;
 Но чаще , чаще онъ скучалъ
 Ея любовію шоскливой
 И мигъ разлуки призывалъ
 Ужь какъ свободы мигъ счастливой.
 Не шщетно !

Буйный Шведь опляшь
 Не соблюдаетъ договоръ :
 Вновь хочешь съ Рускимъ испытать
 Неравный жребій бранныхъ споровъ.
 Ужь переходяшь за Кюмень
 Передовыя ополченья :
 Война , война ! Грядущій день
 День роковаго разлученья.

Нѣтъ слезъ у дѣвы молодой.
 Мертва лицомъ , мертва душой ,
 На суету походныхъ сборовъ
 Глядитъ она : всему конецъ !
 На ней встревоженный кипрець
 Остановишь не смѣешь взоровъ.
 Сгустилась ночь. Въ глубокой сонъ
 Все погрузилось. Унылой
 Въ послѣдній разъ идетъ онъ къ милой.
 Ей утѣшенья шепчетъ онъ ,
 Ее лобзаетъ онъ напрасно.
 Внимаетъ , чувства лишена ;
 Даетъ лобзати себя она ,
 Но безопытно , безучастно !
 Мечтанья всѣ бѣжали прочь.
 Они томительную ночь
 Въ безмолвной горести проводятъ.
 Ужь въ путь зовешь сильнѣе дня ,
 Уже ретиваго коня
 Младому воину подводитъ ,
 Ужь онъ садится. У дверей
 Пустынной хижины своей
 Она стоитъ , мушна очами.
 Дѣвица бѣдная , прости !

Ужь по далекому пуши
 Онъ поскакаль. Ужь за холмами
 Не видѣнь онъ своимъ очамъ. . . .
 Согнувъ колѣна , къ небесамъ
 Она сперва воздѣла руки ,
 За нимъ просшерла ихъ пошомъ
 И въ прахъ поверглася лицомъ
 Съ глухимъ сшенаньемъ смершной мукм.

Сквалъ пошоки зимній хладъ ,
 И надъ спремивнами своими
 Съ гранишныхъ горъ уже висяшь
 Они горами ледяными.
 Изъ-подъ одежды снѣговой
 Кой-гдѣ вставая головами ,
 Скалы чернѣюшь за скалами.
 Во мглѣ волнистой и сѣдой
 Исчезло небо. Зашумѣли ,
 Завыли зимнія мящелл.
 Чшо съ бѣдной дѣвицей моей ?
 Пошухъ огонь ея очей ;
 Въ ней Эды прежней нѣшь и шѣни ;
 Изнемогаешь въ цвѣшѣ дней :
 Но чужды слезы ей и шѣни.

Какъ небо зимнее блѣдно,
 Въ молчаньи грусти безнадежной
 Сидишь недвижно у окна.
 Сидишь, и бури вой мятежной
 Уныло слушаешь она,
 Мечтая: «нѣтъ со мною друга;
 Ты мнѣ посыль, печальный свѣтъ!
 Конца дождусь ли я, или нѣтъ?
 Когда, когда сметешь ты, вьюга,
 Съ лица земли мой легкой слѣдъ?
 Когда, когда на сонъ глубокий
 Мнѣ дасшь могила свой приюстъ,
 И на нее сугробъ высокій
 Бушуя вѣтры нанесушь?»

Кладбище есть. Тѣснятся шамъ
 Къ холмамъ холмы, кресты къ крестамъ
 Однообразные для взгляда,
 Ихъ (межъ кустами чув
 Изъ круглыхъ камней са
 Обходишь низкая ограда
 Лежишь уже давно за не
 Могила дѣвицы моей.

И кто шеперь ее омыщеть ,
Кто съ нѣжной грустью навѣстять ?
Кругомъ все пусто , все молчить ;
Порою тодько вѣтеръ свищеть
И можжевельникъ шевелить .

П И Р Ы.

Друзья мои ! я видѣлъ свѣшь ,
На все взглянулъ я вѣрнымъ окомъ :
Душа полна была суешъ
И долго плалъ я общимъ шокомъ
Безумству долгъ мой заплачонъ ,
Мнѣ что-то взоры прояснило ;
Но , какъ премудрый Соломонъ ,
Я не скажу : все въ мѣрѣ сопъ !
Не все мнѣ въ мѣрѣ взмѣнило :
Бывалъ обмануть сердцемъ я ,
Бывалъ обмануть я разсудкомъ ;
Но никогда еще , друзья ,
Обмануть не былъ я желудкомъ .

Признаться каждый долженъ въ шомъ ,
Любовникъ , или поэшъ , или воинъ :

Лишь беззаботный гаспрономъ
 Названья мудраго достоинъ.
 Хвала и честь его уму !
 Дарами нужными ему
 Земля устѣяна роскошно.
 Пускай герою моему ,
 Пускай , друзья , порою шовно ,
 Зато не грустно : горя чуждъ
 Среди веселостей всеневныхъ ,
 Не знаешь онъ душевныхъ нуждъ ,
 Не знаешь онъ и мукъ душевныхъ .

Трудясь надъ смѣсью рѣчь и словъ ,
 Поэты наши чуть не плачуть ;
 Своихъ почтительныхъ рабовъ
 Порой красавицы дурачуть ;
 Иной храбрець, въ отцовскій домъ
 Являсь уродомъ съ поля славы ,
 Подозрѣвалъ себя гаупцомъ :
 О богъ стола, о добрый Комъ ,
 Въ швоихъ ушѣхахъ ишь отправы !
 Прекрасноiproю своей
 Добиться памяти людей ;
 Служить любви еще прекраснѣй ,

Пріятно драшься ; но ей ей .
Друзья , объдашь безопаснѣй !

Какъ не любишь родной Москвы !
Но въ ней не градъ первопрестолной ,
Не золоченныя главы ,
Не гуль пошѣхи колокольной ,
Не сплешни вѣстницы-молвы
Мой умъ плавилъ своевольной .
Я въ ней люблю весельчаковъ ,
Люблю роскошное довольство
Ихъ продолжительныхъ шпроевъ ,
Богатой знаши хлѣбосољство
И дарованья поваровъ .
Тамъ прямо веселы бестѣды ;
Вполнѣ уважень хлѣбосољ ;
Вполнѣ шоржеспивенны объды ;
Вполнѣ богатъ и лакомъ столъ .
Ужь онъ накрытъ , ужь онъ рядами
Несчетныхъ блюдь опягощенъ
И беззаботными гостями
Съ благоговѣьемъ окружень .
Еще не сѣли ; все въ молчаньи :
И каждый гостъ вблизи сшода

Съ веселой ясностью чела
 Стоишь въ роскошномъ ожиданьи,
 И сквозь прозрачный, легкій парь
 Сіяють лакомыя блюда,
 Злашыхъ плодовъ, десерта груды....
 Зачѣмъ удѣлъ мой слабый дарь!
 Но такъ весной ряды кургановъ
 При пробужденныхъ небесахъ
 Сіяють въ пурпурныхъ лучахъ
 Подъ дымомъ ушренныхъ тумановъ.
 Садятся гости. Графъ и князь,
 Въ застольномъ дѣлѣ всѣ удамы,
 И осушаютъ не лѣнясь
 Свои широкіе бокалы:
 Они веселье въ сердце льютъ,
 Они смягчаютъ злые шоклы;
 Друзья мои, гдѣ гости пьютъ,
 Тамъ рѣчи вздорны, но не колки.
 И начались чудеса:
 Смѣшались быстро голоса;
 Собранье глухо зашумѣло;
 Своихъ собакъ, своихъ друзей,
 Пѣвцовъ, героевъ хвалятъ смѣло;
 Вино разнѣжило гостей

И даже умъ ихъ разогрѣло .
 Тушь все торжественно встаетъ ,
 И каждый гостъ , какъ мужъ полковой ,
 Узнавъ въ гостиную идетъ ,
 Чему смѣялся онъ въ столовой .

Межъ тѣмъ однимъ ли богачамъ
 Доступны праздничныя чаши ?
 Не мудрены пирушки наши ,
 Но не уступятъ ихъ пирамъ .
 Въ углу безвѣстномъ Петрограда ,
 Въ тѣни деревьевъ , во мракѣ сада ,
 Топъ домикъ помнишь-ль , друзья ,
 Гдѣ наша вѣрная семья ,
 Оставя скуку за порогомъ ,
 Соединялась въ шумный кругъ
 И безъ чиновъ съ румянымъ богомъ
 Дѣлила радостный досугъ ?
 Вино лилось , вино сверкало ;
 Сверкали блески оспрыхъ словъ ,
 И въки сердце проживало
 Въ немного пламенныхъ часовъ .
 Столъ покрывала ткань простая ;
 Не восхищались на нсмъ

Мы ни фарфорами Китая ,
 Ни драгоценнымъ хрусталемъ :
 И между пѣмъ сынамъ веселья
 Въ стекло простое богъ похмѣля
 Лилъ черезъ край , друзья мои ,
 Свое любимое Ан.
 Его звѣздящаяся влага
 Не даромъ взоры веселишь :
 Въ ней укрывается отвага ,
 Какъ страсть , какъ мысль она кипишь ;
 Въ нгрѣ своей не шерпишь пѣна ,
 Рветъ пробку рѣзвою волной ,
 И брызжешъ радостная пѣна ,
 Подобье жизни молодой.
 Мы въ ней заботы потопляли
 И средь воспорженныхъ зашѣй
 Пѣвцы пируютъ , восклицали :
 Слѣпая чернь благоговѣй !

Любви слѣпой , любви безумной
 Тоску въ душѣ моей тая ,
 Наслау , милые друзья ,
 Дѣлишь воспоргъ бесѣды шумной
 Тогда осмѣивался я .

Чшо пошакать мечтѣ унылой ,
 Кричали вы , смѣле пей !
 Развеселись , товарищъ милой ,
 Для насъ живи , забудь о ней !
 Вдохнувъ , разстѣнно послушной ,
 Я пилъ съ улыбкой равнодушной ;
 Свѣтлѣла мрачная мечта ,
 Толпой скрывалися печали ,
 И задрожавшія уста ,
 Богъ съ ней , невнятно лепетали .

И гдѣ-жь измѣнница-любовь !
 Ахъ , въ ней и грусть очарованье !
 Я испытать желалъ бы вновь
 Ея знакомое спраданье !
 И гдѣ-жь вы , рѣзвые друзья ,
 Вы , къмъ жила душа моя !
 Разлучены судьбою строгой :
 И вадый съ ропшомъ вдохнулъ
 И бращу руку прощянулъ
 И вдаль побрелъ своей дорогой ;
 И каждый въ горести итмой ,
 Быть можешь , праздною мечшой
 Теперь бывое пролетаетъ ,

Или за трапезой чужой
Свои пиры воспоминаешь.

О если-бъ , теплою мольбой
Обезоруживъ гнѣвъ судьбины ,
Перенеслись отъ скалъ чужбины
Мнѣ можно было въ край родной !
(Мечтать позволено Позшу).
У водъ домашняго ручья
Друзей , разбросанныхъ по свѣту ,
Соединилъ бы снова я .
Дубравой темной остѣненной ,
Родный отцамъ моихъ ошцовъ ,
Мой домъ , свидѣтель двухъ вѣковъ ,
Поникнула кровлею смиренной .
За много лѣтъ до нашихъ дней
Тамъ въ чаши чашами стучали ,
Любили пламенно друзей
И съ ними шумно пировали
Мы , тѣже сердцемъ въ вѣкъ иной ,
Сберемшесь дружеской толпой
Подъ мирный кровъ домашней стѣны :
Ты , вѣрный мнѣ , ты , Д гь мой ,
Мой братъ по музамъ и по лѣни ,

Ты, П нъ нашъ , кому дано
 Пѣть и героевъ и вино
 И страсти молодости пылкой
 Дано съ проказливымъ умомъ
 Быть сердца вѣрнымъ знашокомъ ,
 И лучшимъ гостемъ за бутылкой.
 Вы всѣ , дѣлавшіе со мной
 И наслажденья и мечтанья ,
 О , поспѣшите въ домикъ мой
 На сладкій пиръ , на пиръ свиданья !

Слѣпой владычицей суетъ
 Отъ колыбели позабытый ,
 Чѣмъ угостишь анахоретъ ,
 Въ смиренной хижинѣ укрытый ?
 Его пустынный обѣдъ
 Не будешь лакомый , но сытый .
 Веселый будешь ли , друзья ?
 Со дня разлуки , знаю я ,
 И дни и годы пролетѣли ,
 И разгадашь у бытія
 Мы много тайнаго успѣли :
 Что ни ласкало встарину ,
 Что прежде сердцемъ ни владело ,

Подобно упренному сну,
Все измѣнило, улещало!
Увы! на память намъ придуть
Тѣ пѣсни, за веселой чашей,
Что на Парнасъ берегутъ
Предавъ молодости нашей:
Собранье пламенныхъ замѣшь
Богашой жпзни юныхъ лѣтъ;
Плоды счастливаго забвенья,
Гдѣ воплошшь умѣль поэшь
Свои живыя сновидѣнья. . . .
Не обрѣши замѣны имъ!
Чему же вѣру мы дадимъ?
Прямъ! Въ безжпзненные лѣта
Душа остылая согрѣша
Ихъ утѣшеніемъ живымъ.
Пускай на вѣкъ изчезла младость,
Пируйше, други: спукомъ чашъ
Авось приманенная радость
Еще заглянешь въ уголъ вашъ.

Б А Л Ъ.

Глухая полночь. Сшроемъ длиннымъ,
Осеребренная луной,
Стоять кареты на Тверской
Предъ домою пышнымъ и стариннымъ.
Пылаешь тысячу огней
Обширный залъ ; съ высокихъ хоровъ
Ревутъ смычки : толпа гостей ;
Гуль шанца съ гуломъ разговоровъ.
Въ роскошныхъ перьяхъ и цвѣтахъ,
Съ улыбкой мертвой на устахъ,
Обыкновенной рамой бала,
Старушки свѣтскія сидятъ
И на блестящій вихорь зала
Съ тупымъ вниманіемъ глядятъ.

Кружатся дамы молодыя ,
 Не чувствуютъ себя самихъ :
 Драгими камнями у нихъ
 Горятъ уборы головные ;
 По ихъ плечамъ полунагнмъ
 Златые локоны летаютъ ;
 Одежды легкія , какъ дымъ ,
 Ихъ легкой спашь обозначаютъ.
 Вокругъ плашншедныхъ харишъ
 И суешншся и кипишъ
 Толпа поклонниковъ ревнивыхъ ;
 Толкуешъ , ловишъ каждый взглядъ :
 Шушя , несчастныхъ и счастливыхъ
 Вертушки милыя творяшъ.

Въ движеніи все. Горя добиться
 Вниманья лестнаго красы ,
 Гусарь крушишъ свои усы ,
 Писатель чопорно остришся
 И оба правы : говоряшъ ,
 Что въ тоже время можно дамамъ ,
 Мъняя съ дѣва взглядъ на взглядъ ,
 Смѣяшся съ права эпиграммашъ.

Межь тѣмъ и въ денцахъ и въ звѣздахъ ,
 Порою , съ картами въ рукахъ ,
 Выходяшь важные бояры ,
 Вставъ изъ-за ломберныхъ столовъ ,
 Взглянуть на мчащіяся пары
 Подъ гулъ порывисшій смычковъ.

Но гости глухо зашумѣли ,
 Вся зала шопотомъ полна :
 « Домой уѣхала она !
 Вдругъ стало дурно ей. » Ужели ?
 — Въ кадрили весело вертясь ,
 Вдругъ помертвѣла ! — Что причиной ?
 Ахъ , Боже мой ! Скажите , князь ,
 Скажите , что съ княгиней Ниной
 Женою вашею ? — Богъ вѣсть ,
 Мигрень конечно ! . . . въ сюрсахъ тешь .
 — Что съ ней , кузина ? танцовали
 Вы въ ближней парѣ , видѣлъ я ? —
 « Въ кругу пристойномъ не всегда ли
 Она какъ будто не своя ? »

Злословье правду говорило.

Въ Москвѣ межъ умницъ и межъ дуръ ,

Моей книжкѣ черезъ чуръ
 Слышь Пенедопой шрудно было.
 Презрѣнья къ мнѣню поля ,
 Надъ добродѣтелию женской
 Не насмѣхается-ль она,
 Какъ надъ ужимкой деревенской ?
 Кого въ свой домъ она манишь :
 Не записныхъ ли волокншъ ,
 Не новичковъ ли миловидныхъ ?
 Не ушомлень ли слухъ людей
 Молвой побѣды ея безспыдныхъ
 И соблазнишельныхъ связей ?

Но какъ влекла къ себѣ всецѣльно
 Ея живая красота ?
 Чьи непорочныя уста
 Такъ улыбалися умильно !
 Какая бы Людмила ей
 Смирясь, лучей благочестивыхъ
 Своихъ лазоревыхъ очей
 И свѣжести ланишь спыдливыхъ ,
 Не отдала бы сей же часъ
 За яркій глянecъ черныхъ глазъ ,

Облихъ влагой сладострастной,
 За пламя жаркое ланить?
 Какая, фея самовластной,
 Не уступила-бъ изъ харить?

Какъ въ близкихъ сердцу разговорахъ
 Была пѣнишельна она!
 Какъ угодительно-нѣжна!
 Какая ласковость во взорахъ
 У ней сіяла! Но порой
 Ревнивымъ гнѣвомъ пламенѣя,
 Какъ зла въ словахъ, страшна собой,
 Являлась новая Медея!
 Какія слезы изъ очей
 Потомъ кашились у ней!
 Терзая душу, проливали
 Въ нее томленья слезы тѣ:
 Кто-бъ не отеръ ихъ у печали,
 Кто-бъ не оставилъ красоти?

Страхись предестницы опасной,
 Не подходи: обведена
 Волшебнымъ очеркомъ она;
 Кругомъ ея заразы страшной

Исполненъ воздухъ ! Жалокъ шопъ ,
 Кпо въ сладкій чадь его вступаешъ :
 Ладью дловца водоворотъ
 Такъ на погибель увлекаешъ !
 Бъги ее : нѣтъ сердца въ ней !
 Страшися вкрадчивыхъ рѣчей
 Одурѣвающей приманки ;
 Влюбленныхъ взглядовъ не лови :
 Въ ней жаръ упившейся Вакханки ,
 Горячки жаръ — не жаръ любви.

Такъ , не сочувствія прямаго
 Могуществомъ увлечена ,
 На грудь роскошную , она
 Звала счастливица молодого :
 Онъ пересозданъ былъ на мгнѣ
 Ея живымъ воображеньемъ ;
 Ей своенравный зрѣлся ликъ ,
 Она ласкала съ упоеньемъ
 Одно видѣнїе свое.
 И гасла вдругъ мечта ее :
 Она вдалась въ обманъ досадный ,
 Ея прельстишель ей смѣшонъ ,

И средь толпы, Лансѣ хладной
Ужь не примѣнешь будешь онь.

Въ часы томительные ночи,
Ушѣхъ естественныхъ чужда,
Такъ чародѣйка иногда
Себѣ волшебствомъ шѣпшишь очи:
Надъ ней слился изъ облаковъ
Великолѣпные чертоги;
Она на тронѣ изъ цвѣшовъ,
Ей угождаютъ полу-боги:
На мигъ одинъ восхищена
Живымъ видѣніемъ она;
Но въ умъ приходишь съ изумленьемъ,
Смѣется сердца забышью
И съ тѣмой сливается мановеньемъ
Мечту блестящую свою.

Чей образъ кисть нарисовала!
Увы! тѣ дни ужь далеко,
Когда килгиня такъ легко
Возпламенялась, осывала!
Когда пишомицѣ прямой
И Эпикура и Ниноны,

Лешучей прихоти одной
 Ей были вѣдомы законы!
 Посланникъ рока ей предсталъ,
 Смущенный взоръ очаровалъ,
 Поработилъ воображенье,
 Сліялъ всѣ мысли въ мысль одну
 И пролилъ страшное мученье
 Въ глухую сердца глубину.

Красой изнѣженной Арсеній
 Не привлекалъ къ себѣ очей:
 Слѣды мучительныхъ страстей,
 Слѣды печальныхъ размышленій
 Носилъ онъ на челѣ: въ очахъ
 Безпечность мрачная дышала,
 И не улыбка на устахъ,
 Усмѣшка праздная блуждала.
 Онъ не задолго посѣщалъ
 Края чужіе; тамъ искалъ,
 Какъ слышно было, развлеченья,
 И снова родину узрѣлъ;
 Но видно, сердцу изцѣленья
 Дать не возмогъ чужой предѣлъ.

Предсталъ онъ въ домъ моеи Лайсы,
 И остряковъ задорный полкъ
 Не знаю какъ предъ нимъ умолкъ —
 Главой поникли Адонисы.
 Онъ въ разговоръ поражалъ
 Людей и свѣта знаньемъ рѣдкимъ,
 Глубоко въ сердце проникалъ
 Лукавой шуткой, словомъ ѣдкимъ,
 Судилъ разборчиво пѣвца,
 Зналъ цѣну кисти и рѣзца,
 И сколько ни былъ хладно-сжатнымъ
 Привычный складъ его рѣчей,
 Казался чувствами богатымъ
 Онъ въ глубинѣ души своей.

Неодолимо какъ судьбина,
 Не знаю что, въ игрѣ лица,
 Въ движеніи каждомъ пришлеца,
 Къ нему влекло тебя, о Пина!
 Съ него ты не сводила глазъ....
 Онъ былъ учтивъ, но хладенъ съ нею,
 Ее смущалъ онъ много разъ
 Улыбкой опытной своею;

Но, жрица давняя любви ,
 Она-ль не знала , какъ въ крови
 Родись мятежное волненье ,
 Какъ въ чувства дикій жаръ вдохнуть
 И всемогущее мгновенье
 Его повергло къ ней на грудь .

Мои любовники дышали
 Согласно съ счастьемъ два , три дни ;
 Черезъ день , другой потомъ , они
 Несходство въ чувствахъ показали .
 Забвенья страстнаго полна ,
 Полна блаженства жизни новой ,
 Свободно , радостно , она
 Къ нему ласкалась ; но суровой,
 Унылой часто зрѣлся онъ :
 Предъ нимъ лежалъ мятежный сонъ ;
 Всегда разсѣянный, судьбину,
 Казалось, въ чемъ-то онъ винилъ,
 И прижимая къ сердцу Нину ,
 Ошь Нины сердце онъ шалъ .

Неблагодарный ! Имъ у Нины
 Всѣ мысли были заняты :

Его любимые цвѣты ,
 Его любимыя картины
 У ней являлися. Не разъ
 Блистали новые уборы
 Въ ея покояхъ , чшобъ на часъ
 Ему прельстить , пошѣшить взоры.
 Былъ вшайнѣ убранъ кабинетъ ,
 Гдѣ сладострастный полу-свѣтъ ,
 Богинь роскошныхъ изваянья ,
 Куреній сладкихъ легкій паръ ,
 Животворило всё желанья ,
 Вливало въ сердце томный жаръ.

Вотще ! Онъ преданъ былъ печали.
 Однажды (до того дошло)
 У Нины вспыхнуло чело
 И очн ярко заблнстали.
 Страсшей противныхъ бѣглый споръ
 Лице явило. « Что съ тобою , »
 Она сказала : « что твой взоръ
 Все полонъ мрачною шоскою ?
 Досаду давнюю мою
 Я болѣ въ сердцѣ не шаю :

Печаль съ тобою неразлучна ;
 Спыжусь , но ясно вижу я :
 Тебѣ шаяка , шебѣ докучна
 Любовь безумная моя !

« Скажи , за что швое презрѣнье ?
 Скажи , въ сердечной глубинѣ
 Ты не чувствившелень ко мнѣ ,
 Иль недовѣрчивъ ? Подозрѣнье
 Я заслужила . Старинны
 Мнѣ шяжело воспоминанье :
 Тогда всечасшной новизны
 Алкало у меня мечтанье ;
 Одинъ кумиръ на долгій срокъ
 Поработишь его не могъ ;
 Любовь сегодняшняя , шрудно
 Жила до завтрашняго дня :
 Мнѣ ввѣришь сердце безразсудно ;
 Ты правъ , но выслушай меня .

« Бѣги со мной : земля велика !
 Чужбина скроешь насъ легко ,
 И шамъ безвѣстно , далеко ,
 Ты будешь полный мой владыка .

Ты мнѣ Италію порой
 Хвалишь съ блестящимъ увлеченьемъ;
 Страну любимую тобой
 Узнала я воображеньемъ:
 Тамъ солнце пышно, тамъ луна
 Восходишь сладости полна;
 Тамъ вьются лозы винограда,
 Шумяшь лавровые лѣса:
 Туда, туда! съ тобой я рада
 Забышь родныя небеса.

« Бѣги со мной! Ты безответенъ!
 Ответствуй, жребій мой рѣши:
 Или нѣтъ! за чѣмъ? Твоей души
 Упорный холодъ мнѣ примѣшенъ:
 Молчи же! не нуждаюсь я
 Въ словахъ обманчивыхъ — довольно!
 Любовь несчастная моя
 Мнѣ свыше казнь... но больно, больно!...»
 И зарыдала. Возмущонъ
 Ея тоской: « безумный сонъ
 Тебя увлекъ, » сказала Арсеній:
 « Невольный мракъ души моей —

Слѣдъ прежнихъ, жалкихъ заблудснѣй
И прежнихъ гибельныхъ страстей.

«Его со временемъ разсѣешь
Твоя волшебная любовь :
Нѣтъ, не шревожся, если вновь
Тобой сомнѣнье овладѣеть !
Моей печали не вни. »
День послѣ, мирною чешою
Сидѣли на софѣ они.
Княгиня томною рукою
Обняла друга своего
И прилегла къ плечу его.
На ближнѣй столикъ, въ думѣ скрыпной
Облокошлась, Арсеній нашъ
Межъ шѣмъ по каршочкѣ визитной
Водилъ небрежный карандашъ.

Давно былъ вечеръ. Съ легкимъ шрескомъ
Горѣли свѣчи на столѣ,
Кумировъ мраморъ, въ дальней мглѣ
Кой-гдѣ блискала невѣрнымъ блескомъ.
Молчала Арсеній, Нина шожь :
Вдругъ шайнымъ чувствомъ увлеченный,

Онъ восклицаетъ : « Какъ похожъ ! »
 Проснулась Нина. « Другъ безцѣнный ,
 Похожъ ! Уже ли ? мой портретъ !
 Взглянушь позволъ . . . чтожь это ? Нѣтъ !
 Не мой : жеманная дѣвчонка
 Со сладкой глупосшью въ глазахъ ,
 Въ кудряхъ мохнатыхъ , какъ болонка ,
 Съ улыбкой сонной на устахъ ! »

« Скажу , красавица такая
 Меня зашмнда бы совсѣмъ . . . »
 Лице княгини между шѣмъ
 Покрыла блѣдность гробовая.
 Ея дыханье ошотло ,
 Уста засшыли , посинѣли ;
 Увлажнилъ хладный потъ чело ,
 Непомершвѣлые блесшѣли
 Глаза одни. Вѣщашь хошѣлъ
 Языкъ мяшежный , но коснѣлъ :
 Слова сливались въ лепешанье ;
 Мгновенье долгое прошло
 И наконецъ ея страданье
 Свободный голосъ обрѣло.

« Арсеній, видишь, я мершвѣю;
 Арсеній, дашь ли мнѣ опшвѣшь!
 Знакомъ ты съ ревностію?... Нѣтъ!...
 Такъ вѣдай, я знакома съ нею,
 Я къ ней способна! Встарину,
 Межь многихъ рѣдкостей востока,
 Себѣ я выбрала одну....
 Вотъ першень.... съ нимъ я выше рока!
 Арсеній! мнѣ въ зашитпу данъ
 Могучій эшотъ шалисманъ;
 Знай, никакое злоключенье
 Меня при немъ не успрашишь.
 Въ глазахъ твоихъ недоумѣнье,
 Дивисься ты! Онъ ядъ шаншъ. »

У Нины руку взялъ Арсеній;
 « Спокойна совѣсть у меня, »
 Сказалъ, « но дожилъ я до дня
 Тяжелыхъ сердцу откровеній.
 Внимай же мнѣ. Съ чего начну?
 Не предавайся гнѣву, Нина!
 Другой дышала я встарину,
 Хотѣла шо сама судьбина.

• Росли мы вмѣстѣ. Какъ мила

Малюшка Олинъка была!

Ее мгновеньями яными

Еще я вижу предъ собой,

Съ очами темно-голубыми,

Съ темно-кудрявой головой.

•
« Я называлъ ее сестрою,

Съ ней игры дѣтства я дѣлалъ ;

Но годъ за годомъ уходилъ

Обыкновенной чередою.

Исчезло дѣтство. Пришекли

Дни непонятнаго волненья

И другъ на друга возвелъ

Мы взоры полные томленья.

Обманчивъ разговоръ очей.

И руку Олинъки моей

Сжимая робкою рукою ,

Скажи , шепталъ я иногда ,

Скажи , любимъ ли я шобою ?

И слышалъ сладостное да.

•
« Въ счастливый домъ , себѣ на горе ,

Тогда я друга ввелъ. Лицомъ

Онъ былъ пріятель, живъ умою ;
 Обворожилъ онъ Ольгу вскорѣ.
 Всегда встрѣчались взоры ихъ ,
 Всегда велся межъ ними шопшъ.
 Я мукъ язвительныхъ моихъ
 Не снесъ : излилъ ревнивый ропшъ.
 Какой же ждалъ меня успѣхъ ?
 Мнѣ былъ ошвѣтомъ дѣтскій смѣхъ !
 Ее покинулъ я съ презрѣнемъ ,
 Всю боль души въ душѣ шая.
 Сказалъ прости всему ; но мщеньемъ
 Сопернику поклялся я.

« Всечасно , колкими словами
 Скучалъ я , досаждалъ ему ,
 И по желанью моему
 Вскипѣла ссора между нами :
 Спрѣялись мы. Въ крови упавъ ,
 На вѣкъ я думалъ мѣръ оставишь ;
 Съ одра возспалъ я шѣломъ здравъ ,
 Но сердцемъ бодень. Что прибавишь ?
 Бѣжалъ я въ дальніе края :
 Увы ! подъ чуждымъ небомъ я

Томился шюю же шоскою.
 Родимый край узрѣвъ опяшь,
 Ё: шолько съ милою шобюю
 Душою началъ оживашь. »

Умолкъ. Безсмысленно глядѣла
 Она на друга своего,
 Какъ будшо повѣсти его
 Еще вполнѣ не разумѣла;
 Но ошъ руки его пошомъ
 Освободивъ шихонько руку,
 Вдругъ содрогнулася лицомъ
 И все въ немъ выразило муку,
 И обезсиленна, шомна,
 Главой поникнула она.
 « Чшо, чшо съ шобюю, другъ безцѣнный! »
 Вскричалъ Арсеній. Слухъ его
 Внялъ шолько вздохъ полустѣсненный.
 « Другъ милый, чшо шы? » — « Нццего. »

Еще на крыльяхъ шоропавыхъ
 Промчалось нѣсколько недѣль
 Въ размолвахъ бурныхъ, какъ досель
 И въ примиреньяхъ несчастливыхъ.

Но что же, что же напоследь ?
 Сегодня друга ишь у Нины,
 И завтра, послѣ завтра ишь !
 Напрасно полная кручины
 Она съ дверей не сводишь глазъ
 И мнишь : онъ будешь черезъ часъ.
 Онъ позабылъ о Нинѣ страшнѣй ;
 Онъ не вошелъ, вошелъ слуга,
 Письмо ей подалъ.... мигъ ужасный !
 Сомнѣнья ишь : его рука !

« Чшо медлишь, » къ ней писалъ Арсеній,
 « Открышься должно.... небо ! въ чемъ ?
 Едва владѣю я перомъ,
 Ищу напрасно выраженій.
 О Нина ! Ольгу встрѣшилъ я ;
 Она понинѣ дышетъ мною
 И рѣзность прежняя моя
 Была неправой и смѣшною.
 Удѣлъ рѣшенъ. По старинѣ
 Я вѣренъ Ольгѣ, вѣрнѣй мнѣ.
 Прости ! швое воспоминанье
 Я сохраню до позднихъ дней :

Въ немъ понесу я наказанье
 Ошибокъ юности моей.»

Для своего и для чужова
 Незрима Нина : всѣмъ одно
 Твердишь швейцарь ея давно :
 Не принимаешь , нездорова !
 Ей нужды нѣтъ ни въ комъ , ни въ чемъ ;
 Пишье и пищу забывая ,
 Въ покоѣ дальнемъ и глухомъ
 Она недвижная , нѣмая
 Сидишь и съ мѣста одного
 Не сводишь взора своего.
 Глубокой муки сонъ печальный !
 Но двери пахушь разшворясь :
 Мужъ , не весьма сентиментальный ,
 Сморкаясь громко , входишь князь.

И вошь садится. Въ размышленье
 Сначала молча погружонъ ,
 Ногой пошряхиваешь онъ ;
 И наконецъ : «Съ шобой мученье !
 Безъ всякой грусти ты грустишь ;
 Какъ погляжу , совсѣмъ больна ты :

Ей, ей! съ шрудоъ вообразишь,
 Какъ вы причудами богашы!
 Опомнишься шебъ пора.
 Сегодня балъ у князь-Петра;
 Забудь фаншазіи пусшыя
 И ошь людей не отспавай:
 Тамъ будушь наши молодые,
 Арсеній съ Ольгой. Повъжай.

«Ну что, повъдешь ли?» — «Повъду,»
 Сказала, спрашно оживясь
 Княгиня. «Дѣло,» молвилъ князь,
 «Прощай, спѣшу я въ клобъ къ обѣду.»
 Что Нина бѣдная съ тобой?
 Какое чувствво овладѣло
 Твоей болѣзненной душой?
 Что оживишь ее умѣло,
 Уже-ль надежда? Торопясь
 Часы лешяшь; уѣхалъ князь;
 Пора гошовишься княгинѣ.
 Нарядами окружена
 Давно не бывшими въ поминѣ,
 Передъ шрюмо стоишь она.

Ужь газъ на ней, струясь, блискаешь;
 Роскошно, сладостно очамъ
 Рисуешь грудь, попомъ къ ногамъ
 Съ гирляндой яркой упадаешь.
 Алмазь мелькающихъ серегъ
 Горишь за черными кудрями;
 Жемчугъ чело ея облегъ
 И межъ обильными косами
 Рукой искусной пропуцонь,
 То видимъ, шо невидимъ онъ.
 Надъ головою перья вѣюшь;
 Цо шомной прихоши своей,
 То ей лице они лелѣюшь,
 То дремлюшь въ локонахъ у ней.

Межъ шѣмъ — (къ какому разрушенью
 Ведешь сердечная гроза)!
 Ея попухшіе глаза
 Окружены широкой шѣмью
 И на щекахъ румянца нѣтъ!
 Чуть видѣнь въ образъ прекрасномъ
 Красы бывалой слабый слѣлъ!
 Въ спеклѣ живомъ и без

Княгиня бѣдная моя

Глядяся, мнишь : « и эшо я !

Но пусть на страшное видѣнье

Онъ взоръ смущенный возведешь :

Пускай узришь свое шворенье

И всю вину свою поймешь . »

Другое шажкое мечшанье

Потомъ волнуешь душу ей :

« Уже-ль соперницѣ моей

Ошдамся я на поруганье !

Уже-ль спокойно я снесу ,

Какъ шоржешсвуя надо мною ,

Свою цвѣщую красу

Съ моей увядшею красою

Сравнишь насмѣшливо она !

Надежда есть еще одна :

Слѣды печали я сокрою

Хоть въ половину , хоть на часъ »

И Нина шрепешной рукою

Лице румянишь въ первый разъ .

Она явилася на балѣ .

Чшо-жь возмушило душу ей ?

Толпы ли въспреныхъ гостей
 Въ ярко-блестящей , пышной залѣ ,
 Безпечный лепешь , мирный смѣхъ ?
 Порывы-ль музыки веселой ,
 И словомъ , эшощь вихрь ушѣхъ ,
 Больнымъ душою споль шяжелой ?
 Или двусмысленно взгянушь
 Посмѣдъ на Нину кто нибудь ?
 Иль лившимъ счащиємъ блиспало
 Лице у Ольги молодой ?
 Чшобъ ни было , ей дурно спало ,
 Она уѣхала домой .

Глухая ночь . У Нины въ спальной ,
 Лививо споря съ темношой ,
 Передъ иконою золошой .
 Лампада почишь свѣшь печальной .
 То пропадешь во мракъ онъ ,
 То зайграешь на окладъ ;
 Кругомъ глубокий , мершвый сонъ !
 Межъ шѣмъ въ блиспашельномъ нарядѣ ,
 Въ богашыхъ перьяхъ , жемчугахъ ,
 Съ румянцемъ спраннымъ на щекахъ ,

Ты-ль это, Нина, мною зрима?
 Въ переливающейся мглѣ,
 Зачѣмъ сидишь ты недвижима,
 Съ недвижной думой на челѣ?

Дверь заскрипѣла : слышишь ухо
 Походку чью-то на полу ;
 Передъ иконою, въ углу,
 Спалъ и закашлялъ кто - то глухо.
 Сухая, дряхлая рука
 Изъ шьмы къ лампадѣ пошянулась ;
 Свѣшильню пронула слегка,
 Свѣшильня сонная очнулась
 И свѣсъ неожиданный и живой
 Вдругъ озаряетъ весь покой :
 Книгини мамушка сѣдая
 Передъ иконою споишь,
 И вошь ужъ набожно вздыхая,
 Земной поклонъ она творишь.

Вошь поднялась, перекрестилась ;
 Вошь поцлелась было домой :
 Вдругъ видишь Нину предъ собой,
 На пол-пути остановилась.

Глядишь печально на нее ,
 Качаешь старой головою :
 « Ты-ль эшо , дитяшко мое ,
 Такою позднѣю порою?...
 И не смыкаешь очи сномъ
 Горюя , Богъ знаешь , о чемъ !
 Вошь такъ-шо , ты свой вѣкъ проводишь ,
 Хошь ошь ума , да не умно :
 Ну , право , ты себя уходишь ,
 А вѣдь грѣшно , куда грѣшно !

« И что въ судьбѣ пвоей худаго ?
 Какъ погляжу я , полонъ домъ
 Не перечешь какимъ добромъ ;
 Ты роду - званія большаго ;
 Твой князь пріятнаго лица ,
 Душа въ немъ крошкая шакая :
 Всечасно Вышняго Творца
 Благословляла бы другая !
 Ты позабыла Бога.... да ,
 Не ходишь въ церковь никогда :
 Повѣрь , кто Господа оставишь ,
 Того оставишь и Гослодь ;

А Онъ-шо духомъ нашимъ править ,
Онъ охраняешь нашу плоть !

« Не осердись , моя родная ;
Ты знаешь , мало ли о чемъ
Мелю я старымъ языкомъ :
Прости , дай ручку мнѣ. » Вздыхая,
Къ рукѣ княгининой она
Устами вешкими прильнула :
Рука ледяно-холодна.
Въ лице ей съ трепетомъ взглянула :
На немъ поспѣшный смерти ходъ ;
Глаза спояшь и въ пѣнѣ рошъ
Судьбина Нины совершилась ,
Нѣшь Нины ! ну шакъ что же ? нѣшь !
Какъ видно , ядомъ оправилась ,
Сдержала спранный свой объшь !

Уже билешы роковые ,
Билешы съ черною каймой ,
На коиъ бренности людской ,
Трофеи , модой приняшые ,
Печально поражають взглядъ ;
Гдѣ сухощавые Сатурны

Съ косами грозными сидишь ,
 Склонясь на праурныя урны ;
 Гдѣ кости мертвыя крестомъ
 Лежашъ разшешельнымъ гербомъ
 Подъ гробовыми головами , —
 О смерти Нины должну вѣсшь
 Узакоенными словами
 Спѣвашъ по городу разнесшь .

Въ урочный день , на выносъ шѣла ,
 Со всѣхъ концевъ Москвы большой ,
 Одна карета за другой
 Къ хоромамъ князя полешѣла .
 Обсѣвъ госпиную кругомъ ,
 Сначала важное молчанье
 Толпа хранила ; но пошомъ
 Возникло шомное жужжанье :
 Оно росло , росло , росло ,
 И въ шумный говоръ перешло .
 Объяшый счастливымъ забвеньемъ ,
 Самъ князь за дѣло принялся
 И жаркимъ богословскимъ преньемъ
 Съ ханжой какимъ-шо занялся .

Богатый гробъ несчастной Нины
Священствомъ пышнымъ окружень ,
Быль въ землю мирно опущень ;
Свѣшь не узналъ ея судьбины.
Князь , безъ особаго пруда ,
Свой жребій Вышней воле предавъ.
Поэшь , который завсегда
По четвергамъ у нихъ обѣдалъ ,
Никакъ съ желудочной поски
Скропалъ на смерть ея спишки.
Обильна слухами столица ;
Молда какая-то была ,
Что ихъ законная спраница
Въ журналъ дамскомъ приняла.

ТЕЛЕМА И МАКАРЪ.

Непостоянна , своевольна ,
Ни чѣмъ Телема не довольна ;
Всегда душа ея полна
Младенческаго безпокойства ;
Любила шолстяка она
Совсѣмъ инаго съ нею свойства :
Макаръ не шужишь ни о чемъ ,
Ему покой всего дороже :
Съ весельемъ шумнымъ незнакомъ ,
Онъ незнакомъ со скукой поже ;
Заснешь онъ ночью крѣпкимъ сномъ ,
Едва глаза свои зажмуришь ;
По ушру вспанешь молодцомъ ,
День цѣлый послѣ балагурить .

Въ любви причудливой своей
 Къ Макару, часно неспернимой
 Была Телена : милымъ ей
 Хотѣлось быть боготворимой.
 Однажды чѣмъ-шо оскорбась ,
 Увлекшись живостью сердечной ,
 Въ упрекахъ горькихъ излилась
 Предъ нимъ она. Макарь безпечной
 Покинулъ бѣдную снѣясь.
 Безъ друга скучно и уныло
 Тянулись дни. Изъ края въ край
 За нимъ бѣжашъ она давай :
 Жить безъ Макара пошно было.

Надежды въшренной полна
 Приходишь ко Двору она.
 Того-ли встрѣшишь или другаго :
 « Не здѣсь-ли милый мой дружокъ ?
 Макара нѣтъ-ли дорогаго ? »
 Никто безъ хохота не могъ
 Услышашъ имени шакаго.
 — Какой Макарь шобой любимъ ?
 Какъ разлучилася ты съ нимъ ?

Что онъ , голубушка , за диво ? —
 Она въ отвѣтъ нешерпѣливо :
 « Нѣтъ лучше друга моего ;
 Онъ добродушень , доброхошень ,
 Веселонравень , беззабошень ,
 Не ненавидишь никого
 И самъ ни къмъ не ненавидимъ. »
 — Спупай , отвѣщствовали ей ,
 Здѣсь нѣтъ его : такихъ людей
 Мы при Дворѣ совсѣмъ не видимъ. —

Рѣшилась далѣе идти
 Моя бѣглянка молодая ;
 Зашла въ обищель по пуши ,
 Макара мирнаго найдши
 Въ сей мирной пристани мечшая.
 Игумень ей : « Сказашь-ли вамъ ?
 Его мы долго поджидали ;
 Но , признаюсь , по пустякамъ !
 Приюсть ошъ бурь жпшейскихъ намъ
 Въ замѣну стѣны наши дали. »
 Одинъ задумчивый чернецъ
 Сказаль вершукъ наконецъ :
 « О чемъ вы слѣпо возмечшали ?

Найдешся-ль полно вашъ бѣглець ?
 На томъ онъ свѣшъ , мы слыхали.»

Телему набожный мудрецъ
 Чуть не взбѣсилъ такимъ привѣтомъ.
 « Его найду я , мой отецъ ,
 Не безпокойтесе объ этомъ.
 Нѣшъ ! о Макаръ дорогомъ
 Не по напрасну я шоскую :
 Одна я жизнь ему дарую ;
 Не можешъ бышь онъ въ мѣръ шомъ ,
 Когда я въ этомъ существую !»

« Но гдѣ-же встрѣчу друга я ? »
 Мечтаешъ странница моя.
 « Въ столицѣ ? что-же ? не чудесно :
 Между пѣвцами вѣрно онъ ,
 Которыи изображонъ
 Онъ столь искусно и прелесшно.»
 Одинъ изъ нихъ ей молвилъ шакъ :
 « Вы обманулися никакъ :
 Не появляся , къ сожалѣнью ,
 И между нами вашъ чудакъ ;

Его поемъ мы кое-какъ
По одному воображенью !

Вопь, магиспрашь : она предь нимъ
Глаза зажмурила и далъ.
« О нѣшь ! съ возлюбленнымъ моимъ
Не встрѣчусь я въ судейской залѣ !
Тамъ нѣшь его. Не спорю въ шомъ :
Прельстисься могъ-бы онъ дворомъ :
Дворъ полонъ чуждаго угара ;
Но за присущствственнымъ споломъ
Въ вѣкъ не увижу я Макара ! »
Надѣясь друга повстрѣчать,
Телема спала навѣщашъ
Гулянья, зрѣлища столицы,
Ко всѣмъ заглядывала въ лица —
По пущьякамъ ! Приглашена
Въ дома блестящія она,
Гдѣ шѣ счастливыцы предсѣдають,
Которыхъ свѣтскимъ языкомъ
Людьми съ ушонченнымъ умомъ,
Людьми со вкусомъ называютъ :
Они привѣтливы лицомъ,
Рѣчами веселы, свободны,

И съ милымъ сердцу бѣглецомъ
 Ей показались очень сходны.
 Но чѣмъ съ Макаромъ дорогимъ
 Похожей бышь они старались,
 Тѣмъ ошъ прямаго сходства съ нимъ
 Они замѣшнѣй удалялись !

Тоска , печаль ее взяла ;
 Наскуча бѣгать по пустому
 Изъ мѣста въ мѣсто , побрела
 Она шихохонько до дому.
 Въ давно покинутый пріюшъ
 Приходишь странница , н чшо-же ?
 Уже Макаръ съ улыбкой шущъ
 Подругу ждалъ на брачномъ ложѣ :
 « Со мною въ мирѣ н любви , »
 Онъ молвцль , « съ эшихъ поръ живи ;
 Живи , о лишнемъ не шоскуя ,
 И коль разшашься вновь со мной
 Не хочешъ , нрава шшшиной
 Себѣ пріязнь мою даруя ,
 Ошъ угожденья моего
 Не шребуй болѣ шого ,
 Чшо я даю , чшо дашь могу я . »

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ДУШЪ.

Зевесь , любя семью людскую ,
Поцарно души сошворилъ
И напередь одну мужскую
Съ одною женскою согласилъ .
Хвала всевышней благоспынѣ !
Но въ ней намъ мало пользы нынѣ :
Глядише ! нынѣ родъ людской
Размножась , облилъ шарь земной :
Куда пойду ? мечтаешь съ горемъ ,
На хладный Сѣверь , знойный Югъ ?
За Бѣлымъ , иль за Чернымъ моремъ
Блуждаешь ты , желанный другъ ?
Не все. Задача естъ другая.
Шашаясь по свѣшу , порой

Столкнешься съ родшвенной душой
 И радъ ; но вошь бѣда какая :
 Душа родная — носъ чужой
 И пошороній подбородокъ !...
 Враждують чувства межъ собой :
 Признашься , способъ мировой
 Находкой былъ бы изъ находокъ !
 Но онъ пошерянь между насъ ,
 О немъ живешь одинъ разсказъ .

Въ землѣ , о коей справедливо
 Намъ чудеса вѣщаешь спарь ,
 Въ Египтѣ , жилъ-былъ славный Царь ,
 Имѣлъ онъ дочь — шворенья диво ,
 Красотъ подсолмечныхъ алмазъ ,
 Любовь души , веселье глазъ :
 Челомъ бѣлѣе лилій Инла ;
 Коралла пышнаго морей
 Устами свѣжими алѣй ;
 Яснѣ дневнаго свѣшила
 Улыбкой ясною своей .
 Въ предѣлахъ самыхъ ошдаленныхъ
 Носилася ея хвада

И женихами привела
 Къ ней полкъ царей иномлеменныхъ.
 И Мемфисъ градъ залковалъ !
 Въ немъ пиръ за пиромъ воспавалъ :
 Свѣшла , прелестна възсѣдая
 Въ кругу любовниковъ своихъ ,
 Моя Царевна молодая
 Совсѣмъ съ ума сводила ихъ.
 И все бы ладно шло ; но что же ?
 Всегда веселая , она
 Вдругъ спала пасмурна , грустна ,
 Такъ что на дѣло не похоже.
 Къ своимъ высокимъ женихамъ
 Вниманье вовсе прекрашила
 И кромѣ волкихъ эпиграммъ
 Имъ ничего не говорила.

Какая же была вина ,
 Чшо измѣнилась такъ она ?
 Любовь. Случайною судьбою ,
 Державный пиръ ея опци
 Украсишь лирною игрою ,
 Призвали юнаго пѣвца :
 Не возхвалялъ онъ Озирнда ,

Не славилъ Аписа быка ,
 Любовь онъ пѣлъ , о Зораида !
 И пѣснь его была сладка ,
 Какъ водъ согласное журчанье ,
 Какъ нѣжныхъ горлицъ воркованье ,
 Какъ томный ропотъ вѣшерка ,
 Когда , въ полудень возпаленный ,
 Лобзаешь онъ изъ подшишка
 Цвѣшокъ , роскошно усыпленный .
 Свершился вышнїй приговоръ ,
 Свершился ! никакою силой
 Неотразимый , съ эшихъ поръ
 Предъ ней носился образъ милой ;
 Съ тѣхъ поръ въ душѣ ея звучалъ ,
 Звучалъ всечасно голосъ нѣжной ,
 Ее пилалъ , упоевалъ
 Тоскою сладкой и мяшежной !
 Какъ глупы эти дикари ,
 Разноплеменные Цари !
 И какъ прелесненъ онъ ! вздыхая ,
 Мечшала дѣва молодая .

Но между тѣмъ лешѣли дни ;
 Рѣшенья гости ожидали ,

Рѣшенья не было. Они
 Уже сердиться начинали.
 Самъ Царь досадою вскипѣлъ ;
 Онъ не охотникъ былъ до шушокъ
 И жениха , чрезъ шрое шушокъ ,
 Избрать Царевнѣ повелѣлъ.

Была какъ громомъ рѣчью гнѣвной
 Младая дочь поражена.
 На чшожь , въ судьбѣ своей плачевной ,
 Рѣшилась бѣдная она !
 Рыдала долго Зораида ,
 Взрывала сердце ей обида ,
 Взрывала сердце ей печаль ;
 Вдругъ мысль въ умѣ ея родилась :
 Лицемъ Царевна прояснилась
 И шепчетъ : « ахъ , едва-ль едва-ль....
 Но что мы знаемъ ? спашься можешь ,
 Онъ въ самомъ дѣлѣ мнѣ поможетъ. »

Вамъ разсказать я позабылъ
 Что въ эту пору , мой чинашель ,

Сподѣшній магъ въ Мемфисѣ былъ ,
 Изиды вѣщій шолковашель.
 Онъ , если не лгала молва ,
 Проникъ всѣ тайны естества.
 На то и жилъ почтенный дядя ;
 Ошвергнувъ міра суешу ,
 Не пилъ , не ѣлъ , не спалъ онъ , глядя
 Въ глаза священному кошу.
 И въ немъ-то было упованье ;
 Къ нему-то , милые друзья ,
 Рѣшилася на совѣщанье
 Ийти красавица моя .

Едва рѣдѣешь мгла ночная
 И пробуждаешься начиная ,
 Едва румянишься воспокъ ;
 Еще великой Мемфисѣ дремлешь
 И утро не хотя пріемлешь ,
 А ужъ покинувъ свой черпогъ ,
 Въ простой и чуждой ей одеждѣ ,
 Но страха тайнаго поля ,
 Довѣрять вътренной надеждѣ ,
 Выходишь за городъ она .
 Передъ очами Зоранды

Пустыня та , гдѣ пирамиды ,
 За пирамидами вспаюшь
 И (величавыя гробницы)
 Гигантскимъ кладбищемъ ведущь
 Къ стопамъ огромной ихъ Царицы.
 Себѣ чудака успроишь шуть
 Философическій приюшь.
 Блаждаетъ дѣва молодая
 Среди столицы гробовой :
 И вошь примѣнешь кровь жилой ,
 Надъ коимъ пальма вѣковая
 Стоишь , роскошно помавая
 Широколиственной главой.
 Царевна видишь предъ собой
 Обишель старца. Для чего же
 Остановилася она ,
 Внезапно взоромъ смущена
 И чушкямъ ухомъ на спорожь ?
 Чшо дланью шрепешной своей
 Объемлешь сердце ? чшо такъ пынешь
 Ея лице ? и грудь у ней ,
 Чшо такъ неровно , сильно дынешь ?
 Приносишь пѣснь издалека
 Ей дуновенье вѣшерка.

П ъ с н я .

За чѣмъ ошь ранняго разсвѣта
 До поздней ночи я пою ,
 Безумной пшпцей , о Нїэша !
 Красу жестокою швою ?

Чужда , чужда шы сожалѣнья :
 Звѣзда взойдешъ , звѣзда зайдешъ ;
 Сурова шы , а мнѣ забвенья
 Безсильный лопось не даешъ .

Люблю , любя въ могилу сниду ;
 Не сокрушима цѣнь моя :
 Я видѣлъ диво Зораиду
 И не забылъ Нїэшы я .

Чей эшо голось ? Вседержитель !
 Она-ль его не узнаешъ !
 Пѣвецъ , души ея пѣвнишель ,
 Другую пламенно поешъ !
 И вошь чшо боги ей судили !
 Ужъ ей колѣна измѣнили ,
 Ужъ меркнешъ свѣшь въ ея очахъ ,
 Безъ чувствъ упала бы во прахъ ;

Но нашей дѣвѣ въ шо мгновенье
 Предстало чудное видѣнье.
 Глядишь : въ одеждѣ шушовской
 Бредешь къ ней старецъ гробовой.
 Паясь шоржешственной и дикой ,
 Бѣлобородой , желтоликой ,
 Въ какой-шо острой шапкѣ онъ ,
 Пестрѣешь множествомъ каракуль
 На немъ широкій балахонъ :
 То былъ почтенный нашъ Оракуль.
 Къ Царевнѣ шрепешной моей
 Подходишь онъ ; на шемя ей
 Привѣшно руку налагаешь ,
 Глядишь съ улыбкою въ лицо ,
 И ободрительно вѣщаешь :
 « Прими чудесное кольцо :
 Ты имъ , о дѣва ! уничтожишь
 Хишросплетенный узель швой ;
 Кому на персшъ его возложишь ,
 Съ шѣмъ помѣняешься звѣздой.
 Иди , и мудрость Озярида
 Наставишь свыше мысль швою.
 Я даромъ симъ , о Зоранда ,
 Тебѣ за вѣру воздаю. »

Возвращена въ свои чертоги ,
 Душою полная тревоги
 Царевна думаетъ : « во снѣ
 Все это чудилось мнѣ ?
 Но нѣтъ , не сновидѣнье это !
 Кольцо на палецъ мой надѣто
 Почтеннымъ старцемъ : вошь оно .
 Какую-жь пользу въ немъ найду я ?
 Онъ говорилъ , его даруя ,
 Такъ безшолково , шакъ темно . »
 Опять Царевна унываетъ
 Недоумѣнія полна ;
 Но вошь невольницъ призываетъ
 И опыскацъ повелѣваетъ
 Свою соперницу она .

По повелѣнію другому ,
 Какъ будто къ празднику большому ,
 Ея чертоги убраны ;
 Вездѣ легли ковры богаты
 И дорогіе ароматы
 Во всѣхъ кадилахъ возжены ,
 Всѣ водометы пущены ;

Блнспають рѣдкими цвѣтами
 Ряды узорчатыхъ кошницъ
 И полонъ воздухъ голосами
 Дальноземельныхъ , чудныхъ пилицъ ;
 Все нѣгой сладостною дышешь ,
 Все дивной роскошю пынешь .
 На тронѣ , радостнымъ вѣнцомъ ,
 Порфирой свѣтлою блистая ,
 Сидишь Царевна молодая ,
 Окружена своимъ дворомъ .
 Вотще прилежно наблюдаешь
 Ея глаза смущенный дворъ ,
 И угадашь по нимъ желаетъ ,
 Что знаменуетъ сей пезоръ :
 Она въ безмолвіи глубокомъ ,
 Какъ сномъ объшая , сидишь
 И неподвижнымъ , мушнымъ окомъ
 На двери дальнія глядишь .
 Придворные безмолвны тоже .
 Дверь ошворилась : « Вотъ она ! »
 Лицемъ блѣднѣе полотна ,
 Царевна вскрикнула . Кого же
 Узрѣла , скорбная душой ,
 Въ шолнѣ невольницъ врьдѣ собой ?

Кого ? паспушку молодую
 Собой довольно не дурную
 Но очень смуглую лицомъ ,
 Глазами бойкую и злую ,
 Съ нахмуреннымъ , упрямымъ лбомъ .
 Царевна смотришь и мечтаешь :
 « Она-ли мнѣ предпочтена ! »
 Но вошь придворныхъ высылаешь
 И осмелся съ ней одна .

Царевна первого привѣща
 Искала долго , наконецъ
 Печально молвила : « Ніама !
 Ты видишь : пышень мой дворець ,
 Въ жемчугъ и злато я одѣша ,
 На мнѣ порфира и вѣнецъ ;
 Я красою диво свѣта ,
 Очарованіе сердець !
 Я всею славою земною
 Надѣлена моею звѣздою :
 Чего желать могла бы я ?
 И что-жь , Ніама , въ скорби чудной ,
 Милѣ мнѣ твой жребій скудной ,
 Милѣ мнѣ звѣзда швоя .

Нѣша , хочешь-ли , съ побою
 Я помѣняюся звѣздою ? »
 Мудрень Царевнинь былъ привѣшь ,
 Но не застѣнчива природно :
 « Какъ вашей милосши угодно , »
 Нѣша молвила въ отвѣшь .
 Тогда на палець еѣ надѣла
 Царевна дивное кольцо :
 Закрышь смущенное лицо
 Руками бѣдная хошѣла ;
 Но что-же ? въ мигъ волшебный сей
 Моя Царевна оживилась
 Душой Нѣшкиной ; а въ ней
 Душа Царевны очутилась .
 И быстрымъ чудомъ бышѣ
 Перемѣнивъ , лице свое
 Закрыла дурочка спешная ,
 Царевна-же на оборотъ
 Спустила руки на животъ ,
 Ротъ удивленный разѣвая .
 Гдѣ Зораида , гдѣ она ?
 Оспалась шѣнь ея одна .
 Когда-жь лице свое явила
 Нѣша , руки опушя ,

(О какъ обѣихъ ихъ шупя
 Одна минуша измѣнила !),
 Блиспало дивной красотой
 Лице паслушки молодой :
 Во взорахъ чувство выражалось ,
 Горѣла нѣжная мечша ,
 Для слова милаго , казалось ,
 Сей часъ откроюшся ушна ,
 Нѣша шаже , да не ша.
 Такъ изъ за шучь луна выходить ,
 Вдругъ озаря небеса :
 Такъ зелень свѣжую наводишь
 На роци пыльные , роса.

Съ главой поникшею Нѣша ,
 Съ невольнымъ пламенемъ лица ,
 Тихонько вышла изъ дворца
 И о судьбѣ ея до свѣша ,
 Не доходилъ ужь слухъ цошемъ.
 Такъ что-жь ? о счастьи прямоъ
 Провѣдашь людямъ не удобно ;
 Мы знаемъ , свойственно ему
 Любить хранительную тьму ,
 И драгоцѣнное подобно

Въ шомъ драгоцѣнному всему.
 Гдѣ искромешные рубины,
 Гдѣ перлы свѣтлые нашли?
 Въ глубокихъ пропастьяхъ земли,
 На темномъ днѣ морской пучины.

А что съ Царевною моей?
 Она съ плошнѣйшимъ изъ Князей
 Великолѣпно обвѣчалась.
 Онъ съ нею ладно жилъ, хотя
 Въ иное время не шуя
 Его супруга завиралась,
 И даже подъ сердитый часъ,
 Она возвыся бойкой гласъ
 Совсѣмъ ругательски ругалась:
 Онъ не ропсалъ на то ничушь
 Любилъ житье-бытье простое,
 И самъ, гдѣ надо, завернушь
 Не забывалъ словцо лихое.
 По своему до позднихъ дней,
 Душою въ душу жилъ онъ съ ней.

Что я прибавлю, другъ мой нѣжной!
 Жизнь непогодю мласежной,

Ты знаешь , встрѣшила меня ;
За бѣдспвомъ бѣдство подымалось ;
Вѣкъ надъ головой моею , казалось ,
Не взыдетъ радостнаго дня .
Порой смирять я пѣснопѣьемъ
Порывъ болѣзненныхъ спраспей ;
Но мнѣ тяжелымъ вдохновеньемъ
Была печаль души моею .
Явилась ты , мой другъ безцѣнный ,
И прояснилась жизнь моя :
Веселой музой вдохновенный ,
Веселый вздоръ болшаю я .
Прими мой трудъ непринужденный !
Счастливымъ свѣтомъ озаренный
Души , свободной ошъ заботъ ,
Онъ твоей доспашокъ справедливой :
Онъ первый плодъ мечты ягровой ,
Онъ новой жизни первый плодъ .

ЦЫГАНКА.

Алексию Андреевичу

ЕЛАГИНУ.

Прощай, Елецкой; ты не весель
И разсвѣщаетъ ужь давно;
Пошло мнѣ въ прокъ швое вино:
Ухъ! я всаю каслу съ кресель!
Не правда-ль, брашцы, по домамъ!
— Нѣтъ! пусть попляшетъ прежде намъ
Его цыганка. Ангель Сара,
Ну что? пошѣшишь насъ не лзя-ль?
Сшупай, я сяду за рояль.
— Могу сказать, васъ будешь пара:
Хмѣль разобралъ тебя совсѣмъ,
Она съ дремоны поблѣднѣла.
«Ты, Сара, спашь поди! Зачѣмъ
До ушомленья ты сдѣла?»

Въ другое время , господа !
 Прощайте.» — Буйная орда
 Восколебалася. Гуляки
 Встають , шашаясь на ногахъ ;
 Беруть на стульяхъ , на столахъ ,
 Свои разбросанные фраки ,
 Свои мундиры , сюртуки ,
 Но доброй воли вопреки
 Не споры сборы. Шляпу на лобъ
 Надвинувъ , держишь предъ собой
 Спаканъ недопитый иной ,
 И разсуждаешь : надлежалобъ
 Докончишь дѣло ! — Недвижимъ
 Онъ долго простоишь надъ нимъ.
 Другой предъ зеркаломъ на шею
 Свой галстухъ вяжешь ; но рука
 Его шаяка и неловка :
 Всѣ какъ-то врозь идушь подъ нею
 Концы проклятаго плашка.
 Къ свѣчѣ прислава шрубку задомъ ,
 Ждешь третій пасмурный чудакаъ ,
 Когда закуришься шабакъ.
 Лихія шушки сыпляшь градомъ ; —
 Но полно : вошь валяшь кабакъ.

« Прощай , Елецкой , до свиданья ! »
 Прощайте , братьцы , добрый путь !
 И сокращая провожанья ,
 Дверь поспѣшаещъ онъ замкнущъ .

Одинъ осшавшися , Елецкой
 Брюзгливымъ окомъ обозрѣлъ
 Покой , гдѣ праздникъ молодецкой ,
 Порой недавнею гремѣлъ .
 Онъ чувство возбуждалъ двойное :
 Великолѣпье опшжилое ,
 Шшофъ полнялой на сшѣнахъ ;
 Межь оконъ зеркала большія ,
 Но всѣ и въ пяшнахъ и въ лучахъ ;
 Въ пыли завѣсы дорогія ;
 Давно нечищенный паркешъ ;
 Къ шому-же , буйнаго разгуля
 Всегдашній , безобразный слѣдъ :
 Вошь опрокинутые спудья ,
 Табачный пепель шуть и шамъ ,
 Сшекло по окнамъ , по шолоамъ
 Съ осшашками задорной влаги ;
 Тарелки жирныя кругомъ ;

И вопль, на выпускъ печномъ,
 Строй догорѣвшихъ до бумаги
 И въ блескъ ушренныхъ лучей
 Уже блѣднѣющихъ свѣчей.

Елецкой съ думою нѣмою,
 Поникъ печально головою,
 Но вдругъ, огнувшись, поднялъ взоръ:
 «Гей! закричалъ онъ, Черноморъ!»
 Явился карликъ. Понемногу.
 Туманъ, который покрывалъ
 Лице Елецкаго, пропалъ.
 «Ну что сосѣди?» Слава Богу!
 Знакомъ мнѣ въ домѣ шаръ и малъ.
 «Вопь, мой красавецъ, эшо славно;
 Смощри-жь шеперь, когда, куда
 Пойдушъ, поѣдушъ господа,
 Что скажущъ, все ты знай исправно»
 Объ васъ-шо былъ ужъ разговоръ.
 «Прскрасно! Что-же говорили?»
 Что говорили! Всякой вздоръ;
 А молвишь правду, не хвалили.

Покой оставилъ Черноморъ ;
 Открывъ разсыянной рукою
 Окно , межъ стѣмъ устлавилъ взоръ
 Елецкой прямо предъ собою.
 Предъ нимъ свѣтло озарена
 Наставшимъ упрямъ , ото сна
 Москва торжественно вставала.
 Подъ раннею лазурной мглой ,
 Блеснящей влагой блескъ дневной
 Рѣка мѣстами отражала :
 Аркада длиннаго моста
 Бѣла ярко. Чуденъ , пышенъ ,
 Московскихъ зданій красота ,
 Надъ всеми зданьями возвышенъ ,
 Огнемъ востока Кремль алѣлъ.
 Зажгли лучи его живые
 Соборовъ главы золотыя ;
 Межъ ними царственно горѣлъ
 Иванъ Великой. Сады красивой ,
 Кругомъ твердыни горделивой
 Вѣяся , живо зеленѣлъ.
 Но онъ на пышную столицу
 Глядѣлъ съ душевною враждой ;
 За что ? О шомъ въ главѣ другой

Найдутъ особую страницу.
Онъ былъ воскормленъ сей Москвой;
Минувшихъ дней воспоминанья,
И дней грядущихъ упованья,
Все заключалъ онъ въ ней одной;
Но странной доли несъ онъ бремя,
И былъ ей чуждымъ въ то-же время,
И чуждымъ больше чѣмъ другой.

. Опца и машери Елецкой
Лишился въ годы шѣ , когда
Обыкновенно жизни свѣтской
Намъ насшупаетъ череда.
Въ нее всшупилъ онъ , и сначала
Являлся въ вечеръ на три бала ;
Съ визишной каршочкой порой
Лешълъ на вѣздъ городской.
Согласно съ общимъ заведеньемъ ,
Къ дядямъ и шепкамъ съ поздравленьемъ
И въ Рождество и въ Новый годъ ,
Скакалъ съ прихода на приходъ.
У нихъ въ бесѣдахъ самыхъ чинныхъ
Безъ шершннъ засѣдалъ ,

И на объѣдахъ именинныхъ
Приборъ всегдашній занималъ.

Но волей полной насладишься
Алкаль безумецъ молодой,
И вскорѣ началъ онъ поминься
Предѣловъ свѣтскихъ тѣсношой.
Ему въ гостинныхъ спало душно;
Ему досадно и смѣшно
Въ нихъ показалось одно,
Другое глушо, третье скучно.
Изъ нихъ Елецкой мой исчезъ,
И на желанномъ нмъ просторѣ,
Между буяновъ и повѣсь
Жишьемъ онъ новымъ зажилъ вскорѣ,
Товарищъ скромный нхъ сперва,
Потомъ рѣшительный глава.

Онъ и уму (что вдвое хуже).
Даль со спрасьями волю шуже.
Одушевляеъ въ рѣчахъ своихъ
Враждю къ мнимымъ предразсудкамъ,
Подвергнулъ дерзновеннымъ шуткамъ
Онъ все свяшое для другихъ.

Развратныхъ , своевольныхъ правилъ
 Несчастный кодексъ онъ сославилъ :
 Всегда ссылалось на него
 Его блажное болшевшво.
 Имъ проповѣдуемыхъ мнѣній ,
 Или половины ихъ большой ,
 Наверно чужды онъ былъ душой ,
 Причастной лучшихъ вдохновеній ;
 Но самъ не вѣдая о томъ ,
 Онъ былъ въ развратѣ хвасуномъ.
 Его пословицы вольнодумныхъ
 Ни чуть не новый впрочемъ родъ ,
 Имъ въ свѣтѣ даль обширный ходъ ,
 И отъ людей благоразумныхъ
 Чудовищемъ со всѣхъ сторонъ
 Елецкой былъ провозглашонъ.

Съ Москвой и Русью онъ разстался ,
 Края чужіе посѣтилъ ;
 Тамъ промотался , проигрался ,
 И въ путь обратный посѣтилъ.
 Своими пенатамъ возвращенный ,
 Всему рѣшишельнымъ вѣнцомъ

Цыганку взялъ къ себѣ онъ въ домъ ,
 И общимъ мнѣньемъ пораженный ,
 Самъ рушилъ онъ , надъ нимъ смѣясь ,
 Со свѣтомъ остальную связь .

Тушь нашей повѣсти начало .
 Недѣля Свѣшная была
 И подъ Новинское звала
 Гражданъ Московскихъ . Все бѣжало ,
 Все шоропилось : старь и младъ ,
 Жильцы лачугъ , жильцы палашъ ,
 Живою , смѣшанной толпою
 Туда , гдѣ , словно самъ собою ,
 На крашкѣй срокъ , въ единый мигъ ,
 Блистая пестрыми дворцами ,
 Шумя цвѣшными флюгерами ,
 Средь града новый градъ возникъ :
 Столица легкая бездѣля
 И безчиновнаго веселья ,
 Народной живости кумиръ .
 Тамъ цѣлый день разгульный пиръ ;
 Тамъ раздаются звуки шрубы ,
 Звеняшь , гремяшь лшавры , бубны ;

Паясы съ зыбкихъ галлерей
 Зовушь , маняшь къ себѣ гостей.
 Тамъ клешеръ чуешь чѣшь и нѣчешь ;
 Ножи проворные въяцомъ
 Кругомъ себя Индѣецъ мечешь
 И бисеръ вижешь языкомъ.
 Гордясь лихими сѣдоками ,
 Тамъ одноколки зашучавъ ,
 Съ пошѣсныхъ горъ лешяшь спремглавъ.
 Своими длинными шестами
 Качели крашенныя тамъ
 Людей уносяшь къ небесамъ.
 Волшебный праздникъ довершая ,
 Межь шѣмъ , съ веселымъ шоржествомъ ,
 Карешъ блестящихъ цѣпь шройная
 Капшися медленно кругомъ.

Межь балагановъ оживленныхъ ,
 Ежеминутно осажденныхъ . . .
 Неперцѣливою шолпой ,
 Къ забавамъ шумнымъ страсти полонъ ,
 Съ ушра бродилъ Елецкой мой ,
 И вошь въ одинъ изъ нихъ вошѣлъ онъ.

На шо имѣлъ онъ всѣ права ,
 И подѣ Новинскимъ часъ и два ,
 Съ полудня начиная , мода ,
 По снисхожденью своему ,
 Дѣлалъ веселости народа
 Не запрещаетъ никому .
 Окинувъ взорами собранье ,
 Остановилъ свое вниманье
 Онъ на дѣвицѣ молодой :
 Своими чистыми очами ,
 Своими дѣтскими устами ,
 Своей спокойной красотой ,
 Сполнъ благороднымъ выраженьемъ
 Сей драгоценной пишины ,
 Она сходна была съ видѣнемъ
 Его разборчивой весны .
 Давно онъ зналъ ее заочно .
 Съ его глазами ненарочно
 Глазами встрѣшилась она ;
 Ихъ выраженьемъ смущена ,
 Покрылась краскою живою ,
 И ошвела шихонько взоръ .
 Елецкой пронулся душою ;
 Не зрѣлъ Елецкой съ давнихъ поръ

Румянца эшаго святаго !
 Какъ бодрость въ пушника ночнаго ,
 На небѣ упреннемъ горя ,
 Вливаешь алая заря , —
 Такъ шочно , жизнью обновленной ,
 Страсшиями долго омраченной .
 Душѣ его дохнулъ шогда
 Румянецъ нѣжнаго шыда .
 Онъ къ милой думой умиленной
 Лешипшъ ; межъ шѣмъ она всшаепшъ ;
 Дѣвицѣ руку подаешъ
 Ея сосѣдъ , шарикъ почтенной ;
 Изъ балагана идущъ вонъ —
 И ихъ въ толпѣ шеряешъ онъ .

И незнакомку молодую
 Съ шѣхъ поръ онъ въ сердцѣ заключалъ ,
 И скоро Вѣру Волховскую ,
 Свою сосѣдку , въ ней узналъ .
 Ей дядя , посаѣ объяснилось ,
 Служилъ забашивымъ опцомъ
 И , какъ бывало говорилось .
 Держалъ въ Москвѣ ошкрышый домъ .

Чшо пользы , чшо ошрады въ эшомъ ?
 Сношенья всѣ съ враждебнымъ свѣшомъ
 Прервалъ онъ давнею порой :
 Кого и какъ ему заставишь
 Въ почтешный домъ его предсавишь ,
 Ево , гонимаго молвой ?
 Чшо скажешъ дядя оскорбленной ? —
 Противъ него предубѣжденной
 Какъ онъ предстанешъ даже ей ?
 Но слишкомъ свѣшь его безславиль ;
 Съ шѣхъ поръ какъ онъ его оставиль
 Прошло , промчалось много дней.
 Елецкой мыслиль промежущкомъ ,
 Полнѣй другихъ созрѣль разсудкомъ
 Онъ въ самомъ опышѣ спрасшей ;
 И наконецъ среди пороковъ
 Кипѣвшихъ роемъ вокругъ него ,
 И ядовитыхъ ихъ уроковъ ,
 И омраченъя своего ,
 Въ душѣ сберегъ онъ чувства пламя.
 Елецкой битву проигралъ ,
 Но побѣжденный спасъ онъ змамя
 И предъ самимъ собой не палъ.

Вседневно нашему герою
Усердный карликъ намекаль ,
Гдѣ върояшна встрѣча съ шою ,
Къ которой съ пламенной мечпою .
Онъ непрестанно улеталъ .
Незамѣчаемъ и невѣдомъ ,
Ходилъ , бродилъ за ней онъ слѣдомъ ;
Въ тѣни задумчивыхъ дубровъ
Прекрасныхъ Прѣсенскихъ прудовъ ,
Въ аллеяхъ стриженныхъ бульвара ,
Между красавиць городскихъ
Искалъ онъ дѣвы думъ своихъ .
Не для блистательнаго дара
Акшеровъ нашихъ посѣщалъ

Онъ душный театральнй залъ:
 Елецкой, сцену забывая,
 Съ той ложи не сводилъ очей,
 Въ кошорой Вѣра Волховская
 Сидѣла, изрѣдка встрѣчая
 Взоръ остановленный на ней,
 Вкусивъ не полное свиданье,
 Елецкой приходилъ домой
 Исполненъ мукою двойной;
 Но полюбивъ свое страданье,
 Такой-же встрѣчки съ новымъ днемъ
 Искать въ безуміи своемъ.

Однажды... погасала, свѣжѣя,
 Июльской день. Бульваръ Тверской
 Дремалъ подъ низходящей мглой;
 Пустѣла длинная аллея;
 Царица шипины и сна,
 Высоко поднялась луна.
 Но со знакомыми своими
 Еще въ болыивомъ забышь,
 Сидѣла Вѣра на скамьѣ.
 Въ сосѣдствѣ, не замѣченъ ими,

За липою темной и густой,
 Стояла влюбленной нашъ Герой.
 Перчатку Вѣра уронила:
 Поспѣшно поднялъ онъ ее
 И подаль ей. Лице свое
 Къ нему съ иснугомъ обратила
 Младая дѣва. Разговоръ
 Прервавъ, на немъ остановила
 Вспревоженной, но долгой взоръ.
 Судьбу, душой своею довольной,
 Онъ и за то благодарилъ.
 Елецкой Вѣру поразилъ
 Своей услугою своевольной,
 И хоть на часъ ея мечта
 Имъ вѣрно будетъ занята.

Чшожь? и сомнишельное счастье
 Мгновенныхъ, бѣдныхъ эпитъ встрѣчь
 Ему осеннее ненастье
 Не позамѣдло пресѣчь.
 Покрылось небо облаками;
 Дождь безконечный ливня лить;
 И воть морозъ его смѣнилъ.

Застыли воды , снѣгъ клокамъ
 На мостовую повалилъ :
 Пришла зима . Свистя крушится
 Мягелъ на Прѣсенскихъ прудахъ ;
 На обнаженныхъ деревьяхъ
 Бульвара иней серебрится .
 Тамъ , гдѣ недавно порой
 Гуляли Граціи толпой ,
 Какой нибудь жандармъ усатый ,
 Шагая , шпорами стучишь ;
 Съ мешлой сшонитъ мужикъ брадастый ,
 Или школьникъ съ сумкою бѣжитъ .
 Театръ ? И шопъ въ разладѣ эшомъ
 Забытъ для баловъ моднымъ свѣтомъ .
 Елецкой сердцемъ унывалъ ;
 Но въ зимній холодъ какъ и лѣшомъ ,
 Проворный карликъ не дремалъ .

Донесъ онъ нашему герою ,
 Чшо Вѣра ѣдетъ въ маскарадъ ,
 Къ шапкамъ-шо . Ожилъ онъ душою ;
 « Спасибо » молвилъ « крайне радъ ! »
 Елецкой нѣзванъ : чшо за горе ?

На шо и маска. Вѣру вскорѣ
 Увидишь онъ , и почему
 Съ ней въ безъимянномъ разговорѣ
 Не познакомишься ему ?

И вошь ужъ вечеръ маскарада
 Имъ ожидаемый насшалъ.
 Москва-ли шѣшишься не рада ?
 Кипишь народомъ свѣтлый залъ;
 Живая музыка играешъ ;
 Въ ладъ упоительнымъ смычкамъ
 Кадрили выюпся здѣсь и шамъ.
 Кругомъ , волнуясь , мелькаешъ
 Толпа гуляющихъ гостей ,
 И половина ихъ большая
 Нарядъ привычный соблюдая ,
 Тѣмъ выдаешъ еще живѣй
 Бродящихъ рыцарей , шамановъ ,
 И арлекиновъ , и брахмановъ ,
 Діалъ , Весшалокъ , Флоръ и Фей ,
 Народовъ всѣхъ вѣковъ и націй.
 Ихъ мучишь бѣсъ мисификаціи ;
 Но не выходишь хищныхъ фразъ :

« Я знаю васъ ! я знаю васъ !
 « Здоровы-ль вы ? » Для продолженья
 Недоспаетъ воображенья.
 Признаться надобно : не намъ ,
 Сугробовъ сѣверныхъ сынамъ ,
 Приноровляясь къ дѣшвмъ Юга !
 Машелей духъ не создалъ насъ
 Для ихъ блисшашельныхъ проказъ.
 Къ чему неловкая нашуга ?
 Смѣются наши образцы :
 Живыхъ не дразнятъ мершведцы .

Скрывашъ лице подъ маской душной ,
 Какъ вѣдаешъ чишашель мой ,
 Не лзя дѣвицѣ молодой ,
 Закону свѣтскому послушной .
 И Вѣру милую шотъ часъ
 Нашель Вледцкой. Эшотъ разъ
 На мершвеца онъ не походишь
 И чуть съ ума ее не сводишь .
 Ошъ Черномора зналъ о ней
 Онъ много эшикъ мѣлочей ,
 Въ которыхъ шайны роковыя

Дѣвицы видишь молодая.
 Въ словахъ запушанныхъ своихъ
 Онъ намекаетъ ей о нихъ ,
 И удивленья , и смущенья
 Полна , горитъ она лицомъ ,
 И вотъ выходишь изъ шертвня.
 « Я какъ обманушая сномъ !
 Скажите , ради Бога , кто вы ? »

Е Л Е Ц К О И.

Вы любопытны какъ дитя.
 И такъ со мною не шути
 Вы познакомясья гошомы ?
 Нежданнымъ именемъ моимъ
 Я испугаю васъ.

В Ъ Р А.

Какъ скучно !

Все шушки.

Е Л Е Ц К О И.

Я несклоненъ къ нимъ ,
 И осерегъ васъ добродушно :
 Я духъ... и нѣтъ глуши жидья ,
 Гдѣбъ я незримый не былъ съ вами.
 Все чушкимвъ ухомъ слышу я ,
 Все вижу зоркими очамп.
 Не бойшесь ! слушаю , гляжу
 Я съ полной преданностью дружбы ;
 Неожидаемыя службы
 Я вамъ догадливо служу :
 Однажды передъ ваши очи
 Я въ видѣ смершнаго предсхалъ ;
 Въ шу пору сумракъ лѣшней ночи
 Мнѣ образъ видимый давалъ...
 Вы узнаете ?

В Ъ Р А.

Ваши сказки

Вы продолжите до ушра.
 Смощрите : всѣ снимающъ маски ,
 Снимите-же свою ; пора.

Е Л Е Ц К О И.

Не мнѣ. Оставьте пощенья :
 Я не исполню вашу приказъ.
 Лице открылъ-бы я для васъ
 Безъ выраженья , безъ значенья.
 Нѣтъ , нѣтъ ; я вспомню веселѣй
 Сей разговоръ непринужденный ,
 Почти нежданно уловленный
 Счастливей маскою моею ,
 Чѣмъ взоръ холоднаго смущенья ,
 Который на лице мое
 Вперите вы , когда ее
 Сниму я вамъ изъ угожденья.
 Нѣтъ , я-бъ не могъ его свесни !
 Прощайте ; я не здѣшній жишель ;
 Въ мою безвѣстную обитель
 Я долженъ во время сойти .

Елецкой шико удалился ;
 Ужь былъ у выхода и залъ
 Совсѣмъ , казалось , покидалъ ,
 Но у дверей остановился :
 Еще въ послѣдніе желалъ

Взглянушь на Вѣру онъ , и встрѣпишь
Ея невинной , тихой взоръ ;
Прочель въ немъ дружеской укоръ ,
Мольбу нѣмую въ немъ замѣпишь ,
И скинулъ маску. Вѣрѣ зримъ
Онъ былъ единое мгновенье ;
Толпа сгусшилась передъ нимъ
• И онъ исчезъ какъ привидѣнье.

Когда изъ блеска жизни свѣтской ,
Въ кошоромъ съ Вѣрою своею
На мигъ шакъ близокъ былъ Елецкой ,
Ошпельникъ снова чуждый ей
Въ своихъ спѣнахъ онъ очутился , —
Казалось грустному ему ,
Что вновь, какъ узникъ погрузилсв
Онъ въ ненавистную щорьму ,
Изъ коей на одно мгновенье
Его исторгло сновидѣнье ;
И Вѣры милый идеаль
Съ шѣхъ поръ его воображенье
Еще сильнѣе волноваль.

Часы летучіе мелькали ,
 И въ томномъ сердцѣ заславали
 Все шу-же думу, шопъ-же ликъ.
 Чего надѣяться могу я ?
 Порою мыслилъ онъ шоскуя ;
 Нѣшь ! заглушу сердечный крикъ ! —
 Напрасно : о единой Вѣрѣ
 Мечша въ душѣ его жила ,
 Одна внимаема была.
 Когда-бы могъ по крайней мѣрѣ
 Свободно видѣться онъ съ ней ,
 Какъ всякой свѣтской дуралей !

И помогла ему судьбина.
 Не хуже чѣмъ Герой Расина
 Сердечъ чувствившешельныхъ кумпръ ,
 Любимецъ ложъ , воспоргъ партера ,
 Жоко влечешъ къ себѣ весь міръ.
 Въ теашрѣ сего дня ѣдешъ Вѣра.
 Вздрогнулъ душой Елецкой нашъ :
 Разѣздъ безумный , шоронлицый ;
 Немного сходный экипажъ...
 Чего и думашъ ? планъ счастливый !

Людей , не медля , онъ зовешь
И приказанья отдаешь.

Давно громада городская
Покрылась ночи шемношой ;
Давно прохожихъ оклика
Раздался бушочниковъ вой ;
У моего повѣсы въ домѣ
Давно нягдѣ ятъшъ свѣша , кромѣ
Того покоя , въ коемъ онъ
Одинъ развязки приключенья
Ждетъ , полный страннаго волненья.
Невняшнымъ шукомъ пораженъ
Кареты дальиой , вспыхнешъ духомъ ,
Вскочивъ къ окну приникнешъ ухомъ :
Оня ! . . . Неправда ! Стихнулъ гуль ,
Иль въ переулочъ повернулъ.
Вошь , наконецъ , предъ самымъ домомъ
Карета покашилась съ громомъ ;
Зашрясь , зазвенѣлъ весь домъ , —
И шишина пошь часъ пошомъ .
« Да освѣщите , Бога ради ! »

Раздался въ залѣ голосъ дяди;
 И нашъ услужливый герой
 Къ нему выходить со свѣчѣй.
 Господямъ съ пришворнымъ удивленьемъ
 Въ глаза онъ приспально глядитъ :
 « Чему обязанъ , говоритъ ,
 Я вашимъ лестнымъ посѣщеньемъ ? — »
 И осмошрѣлся дядя :

« Ба !

Какая спранная судьба !
 Въ чужомъ мы домѣ ! Извините.
 Обезпокоили мы васъ.
 Домой уѣдемъ сей же часъ !
 Вы , негодви ! поглядише ,
 Куда заѣхалъ съ вами я ? . . .
 Вошь славно ! Спранности какія :
 И люди у меня чужіе !
 Кареша вѣрно не моя ? » —

Елецкой мнѣнія шого же :
 Уже-ль ? — Да , такъ ! на шо похоже !
 Теперь н чуда въ эшомъ вѣшь :
 Въ его карешу съль сосѣдь.

Своимъ жильцамъ , мушницъ съ дамой ,

Онъ далъ ее въ пошъ вечеръ сѣмой

(Ужь эта баснь у шалуна

Была впередъ сочинена).

Онъ разговоръ не опускаешъ ;

Свой экипажъ онъ предлагаешъ

Доѣхашъ до дому ; пока

Садисься просишь шарика ;

Освѣдомляешся учшиво ,

Съ кѣмъ шакъ случайно и счастливо

Онъ познакомленъ ? — Боже мой !

Иванъ Пешровичъ Волховской !

Елецкой давнво почшенья

Исполненъ къ гостю своему ,

И безо всякаго сомнѣнья

На двхъ представилса ему.

Пока бесѣду велъ шакую

Со старымъ дядей нашъ Герой ,

Онъ яа племянницу младую

Украдкой взглядывалъ порой.

Безцѣнный взоръ онъ думалъ вспрѣшншь ,

Узнанье думалъ въ немъ замѣшншь :

Напрасная надежда ! Онъ
 Не на него былъ обращень.
 Дверь въ глубинѣ шуманной зала
 Вниманье Вѣры привлекала.
 Подъ ярко пурпурнымъ плашкомъ
 Ошшуда , смуглая лицомъ ,
 Сверкая черными глазами ,
 Блистая бѣлыми зубами ,
 Глядѣла Сара. Взоры ихъ
 Какая сила сопрягала ?
 Въ соображеніяхъ какихъ
 Мысль у обѣихъ ушопала ?

Елецкой проводивъ гостей ,
 Былъ внѣ себя ошъ восхищенья :
 Ему не будешь затрудненья
 Въ свиданьяхъ съ Вѣрою своей !
 Зачѣмъ же способъ эшомъ странной
 Къ знакомству съ ней былъ избранъ имъ ?
 Иль онъ не могъ пушемъ другимъ
 Досстигнушь цѣли имъ желанной ?
 Зачѣмъ со свѣшомъ не искалъ
 Онъ по немногу примиренья ? а

Онъ срокъ желаннаго сблженья
На долго эшимъ ошлагаль ;
Къ шому-жь, однажды свѣшь ошнавиль,
Свою вражду къ нему ославиль,
Онъ измѣнишь себѣ краснѣль
И вновь искашь въ немъ не хотѣль.
Но, можешь бышь , причиной главной
Быль духъ природно своенравной ,
Прешившій всегда идши
Ему по бшому пуши ;
Сей духъ, кошорый ошступленья
Незрѣлыхъ лѣшь его рождалъ,
Могъ даже въ годы размышленья
Имъ обладашь — и обладалъ.

Едва веселыми лучами
День новый окна озлапиль,
Елецкой скорыми шагами
Уже по комнатамъ ходиль.
Порой въ забвеніи глубокомъ
Остановясь, прилежнымъ окомъ
Во что-то всматривался онъ.
Во взорахъ счастье выражалось ;
Передъ душой его, казалось,
Леталъ веселый, свѣтлый сонъ.
Черезъ мгновенье пробужденный ,
Онъ шѣмъ же чувствивомъ озаренный ,
Свою прогулку продолжалъ ,

И скоро снова прерывалъ.
 Въ покоѣ шомъ же занимая
 Диванъ , Цыганка молодая
 Сидѣла, блѣдная лицомъ.
 Усталость выражали очи :
 Казалось, въ продолженъе ночи
 Ихъ Сара не смыкала сномъ.
 Она порывисто чесала
 Густыя , черныя власы
 И ихъ на шемныя красы
 Нагихъ плечей своихъ мешала.
 Она склонялась головой ,
 Но на Елецкаго порой
 Взоръ изъ подлобыя подымала.
 Какою злобой онъ дышалъ !
 Другой мечшы душою полонъ ,
 Подруги онъ не замѣчалъ ;
 Къ ней напоследокъ подошелъ онъ :
 « Чшо эшо смюпришь шы совой ? »
 Сказалъ онъ . « Сара , чшо съ тобой ?
 Да молви слово ! »

С А Р А .

Ахъ , мой Боже !

Ты ждешь ошвѣта моего?
 Вошь онъ : я знаю , ошь чего
 Ты шакъ доволенъ !

Е Л Е Ц К О Й.

Ошь чего же ?

С А Р А.

Меня ты думалъ обманушь,
 Когда вчера , кривя душою ,
 Ты мнѣ съ заботою шакою
 Скорѣй совѣшывалъ заснушь?
 « Устала , Сара ? дремлешь , Сара ?
 Лягъ , Сара , спашь ! » и я легла ;
 Да ужъ нарочно не спала ! —
 Давно грозишь мнѣ эша кара !
 Давно я брошена шобой !
 Ты сушки цѣлая порой
 Двухъ словъ со мной не произносишь ;
 Любимыхъ пѣсень пѣшь не просишь !
 Да и по комъ швоя душа
 Ужъ шакъ смертельно заболѣла ?

Ее вчера я разглядѣла :
Совѣсть , совѣсть не хороша!

Е Л Е Ц К О Й.

Такъ вошь въ чѣмъ дѣло !

С А Р А.

Сара знаешь ,
Какая ждешь ее судьба.
За то , что служишь , угождаешь
Тебѣ по волѣ какъ раба ,
Со знашной барышней своею
Ты обвинчаешься , а съ нею
Просишься , и ее на дворъ
Мешлою вымешушь какъ соръ.

Е Л Е Ц К О Й.

Ты совершенно сумасбродишь !
Какія странная мечшы !
По пусыякамъ горюешь ты ,
И на меня шоску наводишь.

С А Р А.

А кто бывало говорилъ ,
 Ко мнѣ ласкаясь шо и дѣло :
 « Тебя , я Сара , полюбилъ !
 Жить одному мнѣ надоѣло ,
 Будь мнѣ подругою ! со мной
 Живи подъ кровлею одной !
 Я нравомъ весель ; живо , шумно ,
 Въ пирахъ и пѣсняхъ всегда
 Мы будемъ проводить года . »
 Я согласилась безумно , —
 Чшожь вышло ? —

Е Л Е Ц К О Й.

Изъ моихъ рѣчей

Тобой забыта половина.
 Я говорилъ : « швоя судьбина
 Не будешь скована съ моею !
 Покуда любо жить со мною , —
 Живи ! наскучило , — прощай ,
 Былую радость поминай ! — »

Съ швоей свободой шойпорою
 Я выговаривалъ мою.
 Но я тебя не узнаю!
 И сердце будущимъ шревожа,
 Ты на цыганку не похожа.
 Вашъ родъ безпечень.

С А Р А.

Прокляшь онъ!

Онъ челоуѣчешва лишонъ!
 Намъ чужды всѣ края мѣрскіе!
 Мы на обиды рождены!
 Забавишь прихоши чужія
 Для пропишанья мы должны.
 Я о себѣ молчу: цыганка
 Вамъ не подруга, а служанка!
 Она пляши и распѣвай,
 А сердцу воли не давай.

Е Л Е Ц К О Й.

Осшавъ пущыи опасенья:
 Не разлучимся мы съ шобой.

Хошя другаго покодѣнья,
 Родня я вашему судьбой.
 И я, какъ вы, ошвержень сѣшпомъ,
 И мнѣ враждебенъ сердца гласъ....
 Не распадешся, вѣрь мнѣ въ этомъ,
 Цѣпь сопрягающая насъ.

Когда съ цыганкой молодою
 Судьба Елецкаго свела,
 Своей разгульною душою
 Она мила ему была.
 « Я горя знашь не буду съ нею !
 Какихъ шяжелыхъ, черныхъ думъ,
 Мнѣ иногда гнешущихъ умъ,
 Свободной рѣзвостью своею
 Не удалишь она сей часъ ?
 Кому. при блескъ эшихъ глазъ
 Присняшся мрачныя печали ? »
 Такъ думаль онъ ; но дни мелькали ;
 Къ ея душѣ своей душой
 На продолжительное время
 Не могъ присшашъ Елецкой мой.
 Ему пошомъ ужь стали въ бремя

Зашѣи дѣвы удамой.
 Не принимая въ нихъ участья,
 Ужь онъ желалъ другаго счастья:
 Души, съ кошкой могъ бы онъ
 Дѣлился всей своей душою.
 Надеждой шемной увлеченъ,
 Онъ Сартъ пробовалъ порою
 Передавать свои мечты;
 Но образованнаго чувства
 Языкъ для дикой красоты
 Былъ полонъ спранный шемнош.
 Она, не вѣдая искусства,
 Подъ рѣчи друга своего
 Безъ всякой совѣсти зѣвала,
 Иль въ скоромъ времени его
 Спороней шушкой прерывала;
 Но смушно шрогалась, и ей
 Не вразумительныхъ рѣчей
 Цыганка голось понимала.
 Подругѣ въшреинной своей
 Онъ ежедневно былъ милѣй;
 Но къ ней хладѣлъ по той же мѣрѣ.
 Когда любовью вспыхнувъ къ Вѣрѣ
 Онъ правомъ спалъ еще мрачнѣй,

Она развлечь его хотѣла ,
Она рѣдныя пѣсни пѣла ,
Она по сшудьямъ , по споламъ
Съ живыми клѣтками скакала ;
Она при немъ по пустякамъ
Какъ можно громче хохотала ;
Но завсегда ее смущала
Въ то время взоръ его брюзгливый :
Предъ нимъ порывъ ея игривый
Въ одно мгновенье упадалъ.
Она сердилась и роптала ,
И грусть давила сердце ей ,
И шестно Сара призывала
Покой и радость прежнихъ дней !

Едва забывшись , пробудился
Ошь грезы счастья нашъ герой ;
Но ошь того своей душой
Для Вѣры онъ не измѣнился ,
И Волховскому ошдалъ онъ
Ему обѣщанный поклонъ.
Елецкой вовсе непривѣшно
Быль встрѣченъ спрогимъ спарикомъ :
Онъ показалъ ему замѣшно ,
Что по неволѣ съ нимъ знакомъ ;
Да мало нужды было въ томъ.
Ошкрыто жилъ сосѣдъ почтенный
И балы частые давалъ ;

Межь шѣмъ , годами удрученной ,
 Учасья въ нихъ не принималъ ,
 И самъ въ палащѣ опдаленной
 За мирнымъ вѣстомъ засѣдалъ .
 Все эшо вѣдая подробно ,
 Елецкой нашъ весьма удобно
 Могъ всякой разъ являться въ домъ
 Совсѣмъ не видимъ старикомъ .
 Какъ часто въ серединѣ бала ,
 Когда ужъ музыка играла
 Иль попури иль кашильонъ ,
 И Вѣра со своимъ шанцоромъ
 Наскуча пошлымъ разговоромъ ,
 Погружена въ споромиій сонъ ,
 Глазами молча провожала
 Среди блистательнаго зала
 Предъ нею вьющійся чешы ,
 Елецкой , рѣчию своею
 Нежданно слышимой за нею ,
 Вдругъ прерывалъ ея мечшы .
 Довольно холодно сначала
 Съ нимъ въ разговоръ она вслупала ;
 Но оживлялася пошомъ ,
 И ободрень ея вниманьемъ ,

Онъ былъ заманчивымъ свиданьемъ
Къ свиданью новому влекому:

Однажды онъ за спуломъ Вѣры
Средь вихря бальнаго сидѣлъ.
Въ своихъ рѣчахъ ужъ не умѣлъ
Онъ соблюдашь холодной мѣры;
Она исчезнула. Лишёнъ
Надъ пылкимъ сердцемъ всякой власти,
Ужъ говорилъ ошкрышо онъ
Съ ней языкомъ безумной страсти.
Кончая : « Дайте мнѣ ошвѣшь »
Онъ молвилъ : « многое во вредъ
Мнѣ городская злоба шрубиль.
Сжился я со враждой молвы.
Но вы , что думаете вы
О томъ , кошорый васъ шакъ любиль? —

В Ъ Р А.

Чшо всѣ другіе ; даже мнѣ
Еще извѣстнѣе , какъ права
О васъ разсѣянная слава ,
Какъ должно вѣришь ей вполнѣ.

Е Л Е Ц К О Й.

Вамъ всѣхъ извѣстнѣй? Вы всѣхъ строже?
Но почему-же, отъ чего же?

В Ъ Р А.

Когда глаза мои у васъ
Меня въ обманъ не приводили,
Словами вашими сей часъ
Двухъ, не одну вы оскорбили.

Е Л Е Ц К О Й.

Я вашей искренности радъ.
Уже въ судьбѣ моей спокрашъ
Я съ вами жажду объясненья!
Примите исповѣдь мою:
Весьма во многомъ, нѣтъ сомнѣнья,
Останусь я безъ извиненья;
Но ничего не утаю.

Елецкой въ шлягоспную повѣсть
 Минувшихъ дней своихъ вступилъ ,
 Свою запущанную совѣсть
 Онъ передъ Вѣрой обнажилъ ;
 Повѣрилъ ей безъ украшенья
 Свои былыя заблужденья ,
 Къ которымъ впрочемъ былъ влекома
 Онъ меньше сердцемъ, чѣмъ умомъ.
 Съ ея случайно знакомкой ,
 Своею смуглой однодомкой
 Свое сближенье передалъ ,
 Какъ самъ его онъ понималъ :
 Однимъ внушеніемъ улыль
 Души , помимой пусилошой ;
 Союзомъ сполько же послылымъ
 Теперь ему , какъ ей самой ;
 « Къ ней обращайся , онъ прибавилъ ,
 Безумный мигъ меня заславилъ ;
 Ошибся я въ себѣ и въ ней .
 Нѣтъ, нѣтъ ! я не былъ съ нею друженъ !
 Я для души ея не нуженъ , —
 Нужна другая для моей . »

И тихо рѣчь его журчала
 За Вѣрой, ей одной слышна.
 Но что? вникала ли она
 Въ слова его? Она молчала;
 Была чуть чуть обращена
 Къ нему щека ея одна;
 Но это легкое движенье
 Замѣшишь было мудрено:
 Злословье самое оно
 Не привело бы въ искушенье.
 Ей измѣняло лишь одно:
 Вниманье къ балу пришупѣло,
 И краснощекой офицеръ,
 Тогдашній Вѣринъ кавалеръ,
 Ее въ то время то и дѣло
 Къ порядку шанца пробуждалъ,
 И ей фигуры шолковалъ.

Природа Вѣру сотворила
 Съ живою, нѣжною душой;
 Она ей чувствовашь судила
 Съ опасной въ жизни полношой.
 Недавно дѣва молодая,

Красною свѣжею блистая ,
 Вступила въ вихорь городской .
 Она еще не разсудила ,
 Не поняла души своей ;
 Но шемною мечшою въ ней
 Она уже проговорила .
 Спранна ей суешность была ;
 Она плѣннисья не могла
 Ея не связною судьбиной ;
 Хотѣло бь сердце у нее
 Себѣ избрать кумирь единой ,
 И шѣмь осмыслишь бытіе .
 Тушь романическія встрѣчи
 Съ героемъ повѣсти моей ,
 Его задумчивыя рѣчи
 Тревожишь спали душу ей .
 Одно, бышь можешь, впечатлѣнье
 Ей берегло воображенье . . .
 Его разсѣялъ онъ . Съ какой
 Благополучною душой
 Съ шѣхъ поръ она ему внимала !
 Съ какою сладостью о немъ
 Въ невольномъ забыши своемъ
 Уединенная мечшала !

Какъ , новой жизнию дыша ,
Легко ей было ! Какъ блистала ,
Какъ ликовала въ ней душа !
Дѣвица юная не знала ,
Живаго счастья полна ,
Что шакъ доврчиво она
Одной оправой въ немъ дышала ;
Что сей привѣтный вѣтерокъ ,
Ее ласкающій шакъ нѣжно ,
Грозы погубительной пророкъ ;
Что вдругъ дохнешь она мясечно ,
И мѣръ въ глазахъ ея замишишь ;
И всѣ красы его разрушишь ,
И всѣ цѣлны его изсушишь ,
И жизни путь опустошишь .

Летѣли дни. Свои свиданья
Елецкой съ Вѣрой продолжалъ ,
И съ каждымъ больше упованья
Любви своей онъ обрѣшалъ.
Увы ! спарашельно скрывал
Забошу сердца между шѣмъ ,
Навѣрно дѣва молодая
Съ нимъ не обмолвилась ничѣмъ ;
Но не владела выраженьемъ
Лица невиннаго она :
На немъ со всѣмъ ея смишеньемъ
Была душа ея видна.
« Любимъ я ! » съ ропотомъ и мукой

Елецкой самъ себѣ швердилъ.
 Великой поспѣ ужъ подходилъ
 И съ Вѣрой скорою разлукой,
 Разлукой долгою грозилъ.
 Въ сіи недѣли покаянья
 У Волховскаго баловъ нѣшь;
 Зашворить домъ ему сосѣдъ....
 Нѣшь! мыслишь онъ, до разсаванья,
 Во что бы ни было, должна
 Рѣшить судьбу мою она!

Онъ ждетъ удобнаго мгновенья;
 И Вѣра, время разлученья
 Предвидя, днями дорожишь,
 И ихъ считаешь и грустишь.
 Уѣхалъ дядя. Въ шикой залѣ,
 При свѣшѣ двухъ свѣчей, одна,
 Твердила на своемъ роялѣ
 Урокъ докучливый она;
 Полна душой другой заботы,
 Насильно всматривалась въ ношы...
 Вдругъ... прощянувшись передъ ней
 Закрываетъ ихъ рука чужая.

Въспрь пошашнуль огонь свѣчей ;
 Вздогнула дѣва молодая ,
 Оборотилася , глядишь :
 Елецкой передь ней споншь .
 « Не безпокойшесь , ради Бога !
 Какая странная шревога
 У вась написана въ глазахъ !
 Я вась прошу , не уходите !
 Чего боитесь вы ? сидите :
 Я все скажу вамъ въ двухъ словахъ .»

В Ъ Р А .

Я не могу осташься съ вами !
 Подите . Разговоръ шакой
 Мнѣ не приличенъ . Боже мой !
 Одна я , видите вы сами !
 Подите .

Е Л Е Ц К О Й .

Напередь я зналь ,
 Чшо я заспану вась одною :
 . Одну я видѣшь вась желаль .

Останься должно вамъ со мною,
Вамъ должно выслушать меня.

В Ъ Р А.

Оставьте до другаго дни,
Я умоляю васъ, подите!
Мой дядя будень сей же часъ.

Е Л Е Ц К О Й.

Одинъ вопросъ: люблю я васъ,
Вы это знаете; скажите:
Я равнодушенъ вамъ, иль нѣтъ?

В Ъ Р А.

На всё, на всё одинъ отвѣтъ:
Подите!.....

Е Л Е Ц К О Й.

Вы ли говорили?
Я-ль слышала васъ? и не во снѣ!

Я не любимъ... Зачѣмъ же мнѣ
 Давно вы это не внушили?
 Своей холодною зачѣмъ
 Вы мнѣ шось часъ не показали?
 Зачѣмъ, скажише, мнѣ внимали
 Вы шакъ привѣшно между шѣмъ?
 Зачѣмъ, глаза мои встрѣчая,
 Не опводили вашихъ глазъ?
 Зачѣмъ дышала всякой разъ
 Въ нихъ дума нѣжная шакая?
 Дитя, кокешки записной
 Постигнувъ опытную ролю,
 Признайтесь: вы играли въ волю
 Моей безумною душой!
 Кто бь могъ подумать! въ ваши лѣша!
 Мою любовь мнѣ не забыть;
 Желаль бы я ея предмета
 Не презирашь. Но, шакъ и бышь!
 Прощайте!

В Ъ Р А.

Нѣшь! шакого мнѣнъл
 Я не оставлю ни за что!
 Не правы ваши заключенья.

Я прямодушна. Я не то
Сказашь хотѣла... Нѣшь..... Просите
Руки моей, и если...

Е Л Е Ц К О Й.

Вы ?

Вы мнѣ объ этомъ говорите ?
А мнѣнѣ общее Москвы ! . . .
На нашъ союзъ вашъ дядя сурогой
Не согласился никогда ;
Молишвы будущъ безъ плода.
Нѣшь, Вѣра, нѣшь! другой дорогой
Идти намъ должно. Для вѣнца
Сего дня ночью у крыльца
Я ждашь васъ буду. Все готово.
Бѣжашъ со мною дайте слово!
Любовь слѣпая мнѣ нужна.
Рѣшитесь.

В Ъ Р А.

Я изумлена
Такимъ неожиданнымъ предложеньемъ.
Нѣшь, это будетъ преступленьемъ !

Нѣтъ , я и думать не хочу !
 Я? шакъ ужасно огорчу
 Того , кошорый...

Е Л Е Ц К О Й.

Все забудешь

Онъ , нашимъ счастиемъ счастливъ ,
 И напослѣдокъ справедливъ
 Онъ и ко мнѣ навѣрно будешь.
 Ему (вамъ нужно-ль общашь ?)
 Я буду сыномъ самымъ нѣжнымъ.
 Спрадалъ я долго безнадежнымъ —
 Ахъ , Вѣра ! снова ли спрадашь !
 Меня вы любите : судьбиной
 Оставленъ намъ исходъ единой.
 Ахъ , Вѣра , Вѣра ! сердце въ васъ
 Сей мигъ рѣшивельный измѣришь :
 Меня печально разувѣришь
 Въ немъ малодушный вашъ отказъ.
 Всѣ , всѣ онъ кончишь между насъ !
 Бѣгите , Вѣра ! дайте руку ! . . .
 Не на ужасную разлуку ,
 Съ кошорой не сживуся я ,

Но на союзъ свяшой и вѣчной.
 Мой милый другъ, мой другъ сердечной!
 Скажи : не правда-ль ? ты моя ?

В Ъ Р А.

Люблю, люблю я васъ... Но чтоже ?
 Что предлагаете вы мнѣ ?
 На что рѣшусь я ! Боже , Боже !
 Подумать дайте въ шипинѣ !

Е Л Е Ц К О И.

Я знаю , горестная мѣра ,
 Но — шы-ль не видишь ? Нѣшь иной !
 Рѣшись !

В Ъ Р А.

Не нынче !

Е Л Е Ц К О Й

Нынче , Вѣра ;
 Сего дня , другъ безцѣнный мой !

Не долго дѣва молодая
 Еще прошивилась ему.
 Онъ нѣжно къ сердцу своему
 Прижалъ ее ; лицомъ пылая ,
 Пошупя взоръ , склонивъ главу ,
 Она умомъ изнемогала ,
 И ни во снѣ , ни на яву ,
 Свое согласье прошептала .

Елецкой ликовалъ душой ;
 По темной улицѣ домой
 Онъ шелъ походкою веселой .
 Но у порога своего
 Остановился ; умъ его
 Смутился думою тяжелой :
 Тамъ Сара ! — Въ головѣ своей
 Уже Елецкой принялъ мѣры ,
 Чтобъ неприличной встрѣчѣ съ ней
 Вновь не подвергнушь милой Вѣры .
 Москву съ невѣстой въ эту ночь
 Покинешь онъ ; обрядъ вѣнчальной
 Онъ совершивъ въ деревнѣ дальней ;
 Онъ все предвидѣлъ , всё шочь въ шочь

Обдумалъ. Сары онъ не знаешь ;
 Любовью въ ней не почиашь
 По немъ расчесливой любви ;
 Не въришь въ ней ревнивой мукъ.
 « Изъ нихъ любую призови —
 Всѣ шверды въ нужной имъ наукъ. »
 Такъ мыслилъ онъ. Но въ эпошъ мигъ....
 Иль Сару лучше онъ постигъ
 При наступающей разлукъ ?
 Упрекъ въ душѣ его возникъ.
 Бго докучное внушенье
 Онъ опровергъ въ умѣ своемъ ,
 И опряхнувъ недоумѣнье ,
 Вошелъ въ свой домъ , гдѣ въ то мгновенье
 И Сара думала о немъ .

Грустила брошенная Сара ;
Но въ эпошъ вечеръ было ей
Еще грустный, еще пошнѣй.
Почти болѣзненнаго жара
Была шоска ея полна.
Въ своемъ волпеніи она
Плашкомъ въ лице себѣ махала , —
Прохлады вѣздухъ не давала ,
Но кровь ей пуще волновала !
Иглу къ работѣ принуждала , —
Колола пальцы ей игла !
Гадать цыганка начала , —
Еще пошивѣ : карпы врали ,

Когда ей счастье предрекали ,
 И наводили страхъ , когда
 Въ нихъ выходила ей бѣда.
 Ихъ со стола она сполкнула ,
 Шпилье отбросила , вздохнула ;
 На столъ локтями опершись ,
 Цыганка списнула руками
 Чело... и смѣлыми кольцами
 Вкругъ пальцевъ кудри обвились.
 Закрывъ глаза она сидѣла . .
 Вдругъ шепчущъ : Сара , Сара ! — Къ ней
 Въ покой изъ боковыхъ дверей
 Цыганка старая глядѣла.

С А Р А .

Ненила , ты ? войди скорѣй ;
 Я заждалась тебя , Ненила ;
 Совсѣмъ я брошена , совсѣмъ !
 Не угожу ему ничѣмъ.
 Хотя бы ты мнѣ услужила !
 Чшо , принесла ли ?

С Т А Р У Х А.

Принесла.

Да ужь насялу добрела ,
 Мяшель шакая закушила !
 Гляди-ка : вошь швое вино.
 Ужь удружишь тебѣ оно ;
 Спасибо скажешь.

С А Р А.

Ахъ , Ненила !

Вѣрь : ты мнѣ душу ворошила !
 Я полюблюсь ему опять ?
 Да полно правда-ль ?

С Т А Р У Х А.

Что мнѣ лгать !

Лишь дай испить , сама увидишь !
 Онъ обвиняется съ тобой ,
 И заживешь ты госпожой ;
 А шамъ старухи не обидишь.

Тушь справъ-шо , справъ-шо ! босикомъ ,
 Весь день ни пивъ ни ѣвъ , колдунѣ
 Сбирашь ихъ надо въ полнолуны ,
 Да нашепашь еще пошомъ !
 Ты мнѣ повѣрь , моя красонка,
 Придушъ благія времена !

С А Р А .

Какъ я шобой одолжена !
 Но шамъ идушъ.... его походка ;
 Поспавъ подарокъ свой на столъ ,
 Да и прощай ! уйди ошселъ ,
 Уйди скорѣ !

Въ сакомъ дѣлѣ

Елецкой въ комнату вошелъ.
 Въ глазахъ его была суровость.
 Предъ Сарой молча онъ ходилъ ;
 Рѣчь наконецъ къ ней обратилъ.
 « Тебѣ скажашъ я долженъ новосшь :
 Съ шобой я скоро разстаюсь.
 Послушай , Сара ! я женюсь. »

Лицо у Сары поблѣднѣло
 И загорѣлось въ шопъ же мигъ.
 Ножъ оспрѣй въ сердце ей проникъ:
 Оно то спыло, то кипѣло;
 Хошѣлабъ смершная шоска
 Излишья воплемъ и слезами...
 Рвалися бурными волнами
 У ней попреки съ языка...
 Но эштъ первыя движенья
 Она въ себѣ перемогла,
 И голосъ мирный обрѣла,
 Хошя дрожащій опъ волненья.
 « Давно я эшаго ждала!
 Не удивишь меня разлукой »
 Сказала Сара. — « Долгой мукой
 Я пригошовлена была.
 А скороль свадьба ? »

Е Л Е Ц К О Й.

Въ домъ эшомъ
 Я не ночую; не жалѣй
 О шаринѣ. Въ судьбѣ швоей
 Я обзуюся опвѣшомъ,

И ужь подумалъ я о ней;
Довольна будешь.

С А Р А.

Мнѣ не нужно

Поспыхлыхъ милосшынъ швоихъ :
Не безпокойся ; и безъ нихъ
Съ шобой разшануся я дружно.
Пвняшь не буду я шебъ :
Жила я весело , счасшливо ;
Теперь не шо , — какое диво ?
Не все стояшь одной судьбѣ !
У насъ вѣрна одна могла ;
А кто на свѣтѣ долго миль !
Какъ ты сего-дня разлюбилъ,
Такъ я бы завпра разлюбила ;
За что сердишься ?

Е Л Е Ц К О Й.

Очень радъ

Дай руку , Сара. Предъ шобой
Я совершенно вновашъ.
Я вижу , выше ты душой.

Чѣмъ полагаешь досель я :
 Ты не притворщица пустая
 Обыкновенье ваше зная,
 Я ждалъ упрековъ, слѣзь, выпить. . . .
 Спасибо, нѣшь ихъ; безъ сомнѣнья,
 Простимся дружно мы съ тобой.
 Мила ты, Сара !

С А Р А.

Плачь и вой
 Въ душѣ... Но что до сокрушенья !
 Въ слезахъ и вопляхъ толку нѣшь.
 Мы расстаемся ? Власъ Господня !
 Простимся вссело. Сегодня
 Я именинница , мой свѣшь !
 Въ послѣдній разъ мое здоровье
 Ты долженъ выпить.... но, до дна !
 Какъ въ шарину ; смотрижъ : условие !
 Не по , сей часъ заплачу.... На !

Е Л Е Ц К О И.

Твое здоровье ? Радъ душою...
 И вошь — ни капли нѣшь на днѣ.
 Надѣюсь , ты довольна мною ?

С А Р А.

Спасибо! Сядь шеперь ко мнѣ ,
Поговоримъ по старинѣ.

И съ равнодушнымъ послушаньемъ
Къ ней на диванъ Елецкой сѣлъ ,
Но , далеко уже мечшаньемъ ,
Онъ на часы свои глядѣлъ.

« Скажи мнѣ , Сара продолжала ,
Судьбою новою своей
Доволенъ ты? »

Е Л Е Ц К О Й.

А что ?

С А Р А.

Ей , ей !
Я корешко твоей нравъ узнала :
Не переменяйся ты въ немъ...
Привыкъ ты къ беззаботной долѣ ,

Разгульной жизни , вольной воле ,
 Спошнншь порядочнымъ живьемъ .
 Наскучишь , швердо предрекаю ,
 Тебѣ и милая швоя ; —
 Тебѣ наскучила же я ! —
 Жаль бѣдной ! По себѣ я знаю ,
 И слишкомъ знаю , каково .
 Какъ я бы выла , да рыдала ,
 Когда бы вшайнѣ не пишала
 Еще у сердца моего
 Одной надежды !

Е Л Е Ц К О Й .

Полно , что ты ?
 Всѣ были кончены разсчены , —
 Что за надежда ?

С А Р А .

Брежу я .
 И какъ равняюсь я посмѣю
 Съ невѣстой счастливой швоею !
 О ней единой мысль швоя ;

Ты ею дышешь. Ахъ, царица ,
Царица свѣшлая она.

Я передъ нею пыль одна.

Но... въ умъ придетъ же небылица !

Забудь любовь свою на часъ :

Какая разница межъ насъ ? —

Что я цыганкой уродилась ?

Что вѣшь за мною селъ , хоромъ ?

Что говоришь не научилась

Я иностраннымъ языкомъ ?

Вотъ всё ? Не шушка , очень знаю !

Но сердцемъ я не уступаю

Твоей невѣстѣ. Чѣмъ она

Любовь понынѣ доказала ?

Какія слёзы проливала ?

Что перенести была должна ?

А я... что слёзъ я испочила ,

Какихъ обидъ не проглотила ,

Молчанье горькое храня !

Ты разлюбилъ , я всё любила ;

Ты гналъ безжалостно меня , —

Къ тебѣ я злобному ласкалась ,

Какъ собачёнка. Разсмотри

Меня получше : говори ,

Такая-ль я тебѣ досталась? —
 Глаза поухнули отъ слезъ;
 Лице завяло, грудь изсохла;
 Я шолько, шолько что не сдохла! . . .
 Ты всё молчишь?

Е Л Е Ц К О Й.

Тебѣ нанесъ
 Я много горя... Я не вѣдалъ,
 Когда другой мой жребій предать,
 Что шы.... Но что со мною?... Свѣтъ
 Въ глазахъ темнѣеть... все кружится...
 Мнѣ дурно, Сара, дурно...

С А Р А.

Нѣтъ!
 Я знаю, что въ тебѣ шворится.
 Въ душѣ мяшущейся швоей
 Я чуднымъ чудомъ оживаю:
 Разлучницы проклятой въ ней
 Бѣсовской образъ погашаю.
 Блѣднѣешь шы... Не мудрена

Измѣна мнѣ , а ей страшна !
 Будь ей шеперь моя судьбина !
 Томись она , крушись она !
 Съ шоски изсохни , какъ лучина !
 Умри она ! шы мой : приди ,
 Прижмись опляшь къ моеѣ груди !
 Очнись ошь люшаго угара ,
 Приди , и всё забуду я .
 Узнай меня , узнай : Я Сара !
 Я Сара прежняя швол .

Цыганка спрасшными руками
 Его рыдѣя обвила
 И жадно къ сердцу повлекла .
 Глядѣль онъ мушными глазами ,
 Но не прошивился . Главой
 Онъ даже шихо приклонился
 Къ ея плечу ; на немъ нѣмой ,
 Казалось , шомно позабылся —
 По грозной бурѣ шишина
 Влилась ошрадно въ сердце Сары :
 Онъ мой ! подѣйшвовали чары !
 Съ восшоргомъ думала она .

Но время долгое проходишь, —
Онъ всё лежишь, онъ всё молчишь;
Едва дыханье переводить
Цыганка. « Милый мой!... Онъ спитъ.
Проснись, красавецъ! » Зовъ бесплодный;
Мигъ страшной истины насталъ:
Она взглянула — шрупъ холодный
Въ ея объятіяхъ лежалъ.

Споюда ночь уже давно.
Градскія сгогны опушѣли ;
Въ домахъ уснувшихъ ни одно
Не озарялося окно ,
Всѣ одинаково чернѣли.
Луна не свѣшишь , все молчишь ;
Лишь вѣшеръ воешь и свисшишь ,
Мяшель до кровель воздымая.
Объшу своему вѣрна ,
До самой улицы одна
Доходишь Вѣра молодая ;
Никѣмъ не встрѣчена она ;
Въ лице суровый и холодный

Ей дуешь въшерь непогодный
 И ночь ненастная черна.
 Она спохвсть; она мгновенья
 Счишаешь, полная волненья....
 Бѣгушь мгновенья! Вѣра ждешь —
 Онъ не приходишь; не придетъ!
 Въ ней сердце замерло.... дѣвицу
 Приемлешь снова прежній кровь.
 Ужь ранній вой колоколовъ
 Порою шой будиль столицу,
 И въ городъ сквозь ночную тѣнь
 Ужь голубья крадется день.

Погибъ женихъ ея мгновенный.
 Слугами вынесенный въ залъ,
 Трупъ на сполъ уже лежалъ,
 Ихъ смутнымъ роемъ окруженный,
 Который сбродъ обыкновенный
 Зѣвакъ захожихъ умножалъ.
 Цыганка въ вечеръ шотъ несчастной
 Изъ дома скрылась. Лекаръ Частной
 Съ двумя кваршальными сполъ,
 И подозрительной рукою

Передъ встревоженной шолпаю
 Трупъ посинѣлый осзаль.
 Но должностной обзоръ исправленъ;
 Для любопытства пища нѣтъ;
 Домъ полицейскими оставленъ,
 Всѣ разбрелись за ними вслѣдъ. —
 Заль опустѣль. Псалширь чистая,
 Дячекъ остался съ мертвецомъ,
 Да горьки слезы кузакомъ
 Ежеминутно отирая,
 Въ углу стояль пошуя взоръ
 Осиротѣлый Черноморъ.

Холмъ, подъ которымъ спишь Елецкой,
 Гдѣ онъ забыль любовь, вражду,
 Гдѣ равнодушенъ онъ къ суду
 Толпы и свѣтской и не свѣтской, —
 Ужь не однажды порослалъ
 Весенней, новою шравою,
 И снѣгъ пушистой пеленою
 Его не разъ ужъ покрывалъ.
 Но долго-ль юноша несчастный
 Жилъ въ сердцѣ Вѣры? Много-ль слезъ

Ея сердечныхъ перыхъ грезъ,
 У ней испорчь обманъ ужасный? —
 Въ ту жь зиму съ дядей старикомъ,
 Покинувъ городъ, возвратилась
 Она лишь два года копомъ.
 Лицомъ своимъ не измѣнилась,
 Блискаешь пою же красой;
 Но строже смотришь за собой.
 Въ знакомство тѣсное не входишь
 Она ни съ кѣмъ. Всегда ошводишь
 Чуть, чуть корошкой разговоръ.
 Подчинены ея движенья
 Холодной мѣрѣ. Вѣринь взоръ,
 Не измѣняя выраженья,
 Не выражаешь ничего.
 Блещащій юноша его
 Не оживишь, и нешерпѣнья
 Въ немъ не замѣшишь старый шумъ;
 Ее смѣшливыя подруги
 Въ нескромный смѣхъ не вовлекушь;
 Раздѣлены ея досуги
 Между роялемъ и канвой;
 Въ раздумьѣ праздномъ не видали,
 И никогда не заспавали

Съ романомъ Вѣры Волховской.
 Дѣвицейъ самой совершенной
 Въ устахъ у всѣхъ она слыветь.
 Чшо жь эту скромность ей даешь?
 Увы! поскою пошасенной
 Еще-ль душа ея полна?
 Еще-ли носишь въ ней она
 О прошломъ вѣрное мечшанье,
 И равнодушна ко всему,
 Чшо не относишься къ нему,
 Чшо не его воспоминанье?
 Или созрѣвъ умомъ своимъ,
 Уже шеперь постигла имъ
 Она безумство увлеченья?
 Уразумѣла, какъ смѣшно
 И легкомысленно оно,
 Какъ правы приняшья мнѣнья
 О романическихъ мечшахъ?
 Или шеперь въ ея глазахъ
 За общій очеркъ, въ мигъ забвенья
 Полусвершенный ею шагъ
 Спаль дѣтской шалосшью одною,
 И съ утонченностью шакою,
 Осмошру свѣтскому вѣрна,

Его сама передь собою
Желаешь искупить она?

Одно-ль, другое-ль въ ней виною
Спращасней безременной пиши :
Ушраченъ Вѣрой молодою
Иль жизни цвѣшь , иль цвѣшь души.

Куда , заснувшею столицей ,
При яркомъ блескѣ зимнихъ звѣздъ ,
Въ саняхъ несется вереницей
Весельчаковъ ея поѣздъ ?
Къ цыганамъ. — Предъ знакомымъ домою
Остановились. Въ двери съ громомъ
Сшучашъ ; привычною рукою
Имъ ошворилъ цыганъ сѣдой.
Въ хоромехъ спящихъ шма гусная ,
Но пушь знакомъ. Толпа лихая
Спѣшашъ проникнуть въ шопъ покой ,
Гдѣ , ночи шумной ожидая ,
Еще съ вечерней первой мглой
Въ свои постѣли пуховыя

Легли цыганки молодыя.
 Ужь госни вътреные шамъ ,
 Ужь кличущъ дѣвъ по именамъ.
 Но все Египетское племя
 Кругомъ прѣѣжихъ , въ шоже время,
 Съ веселымъ шумомъ собралось ,
 И свѣчь сіянье разлилось.
 Дремошу дѣвы покидающъ ,
 Вспающъ на общій громкій зовъ ,
 Плашками плечи покрывающъ ,
 Ногами ищущъ башмаковъ ,
 И — вопъ ужъ весело болшающъ ,
 И шаборъ къ пѣнію гоговъ.
 Одна цыганка на поспѣли
 Сидитъ недвижно. На гостей
 Глядишь сердито. Роемъ къ ней
 Подруги смуглыя подсъли ;
 Свой дикой взглядъ она хранишь ,
 Устами молча шевелишь ,
 Или бессмысленно порою
 Вздохнувъ , качаешь головою.
 Но грянулъ своенравный хоръ :
 Блеснулъ ея шуманный взоръ ,
 Уста улыбка озарила ,

Воскреснувъ въ крикъ хоровомъ ,
Она , веселая лицомъ ,
Съ нимъ голосъ яркой согласила.
Умолкнулъ хоръ , и вновь она
Сидишь сурова и мрачна.
Такъ ворошилась въ шаборъ Сара.
Судьбы послѣдняго удара
Цыганка вынести не могла ,
И разумъ въ горѣ погребла.
Вошше родимые напѣвы
Уносяшь душу бѣдной дѣвы
Въ былые , лучшіе года !
Такъ рѣзвый вѣшеръ иногда
Листокъ упавшій подымаешь ,
Съ нимъ вѣшся въ свѣшлыхъ небесахъ ,
Но вдругъ ушкхнувъ , опускаешь
Его опять на дольний прахъ.

К О Н Е Ц Ъ .

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

	Стран.
Эда.....	3
Циры.....	35
Бадь.....	47
Телема и Макарь.....	79
Переселеніе душъ.....	87
Цыганка. (Алексѣю Андреевичу Елагину).....	190
